

ДАНА
АРНАУТОВА

ЕВГЕНИЯ
СОЛОВЬЕВА

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

КНИГА 1

ТОМ 1

ИДДК

Королева Теней

Евгения Соловьева
Двойная звезда. Том 1

«ИДДК»

2019

Соловьева Е. С.

Двойная звезда. Том 1 / Е. С. Соловьева — «ИДДК»,
2019 — (Королева Теней)

Дары богов стоят дорого. Семья отвернулась от Айлин Ревенгар, но теперь ее ждет факультет некромантии. А еще обретенный и вновь потерянный родственник, новые друзья и враги, верный пес – хоть и немного мертвый... Грегор Бастельеро, герой закончившейся войны, пытается найти место в мирной жизни, и почему бы этому месту не оказаться преподавательской кафедрой в родной Академии? А заодно можно уклониться от приказа короля, велевшего жениться. Но не стоит забывать, что Академия может оказаться отнюдь не безопасным местом...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Дело государственной важности	5
Глава 2. Знакомства старые и новые	12
Глава 3. Дюжина магистров и одна девочка	19
Глава 4. Звезды и карты	26
Глава 5. Новый мэтр академии	34
Глава 6. Наглядное пособие леди Ревенгар	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева

Двойная звезда. Том 1

Часть первая «Двойная звезда»

Глава 1. Дело государственной важности

С самого утра у его светлости Грегора, лорда Бастельеро, Избранного Претемной Госпожи и главнокомандующего дорвенантской армией, было преотвратное настроение. Это могло бы стать серьезным препятствием для общения с окружающими, но Грегор привык думать, что если кого-то в нем что-то не устраивает, это чужие сложности. Не нравлюсь – просто держитесь подальше и останетесь целы и невредимы!

Грегор шел по длинному прямому коридору главного здания Академии, звонко чеканя шаги подкованными армейскими сапогами, смотрел, как с его пути разбегаются адепты и не только, и злился еще больше. Нашли пугало! Можно подумать, он хоть раз позволил себе кого-нибудь проклясть просто в дурном расположении духа, без дополнительных веских оснований!

Неосторожно встретившийся с ним глазами незнакомый молодой мэтр в форменной желтой мантии иллюзорников побледнел, отступил в удачно подвернувшуюся нишу и попытался слиться с декоративными доспехами времен Годерика Решительного. Плохо вычищенными доспехами, между прочим! Что у них тут, некому взять в руки щетку, тряпку и полировочную пасту?! Полная Академия разгильдяев и недотеп. Р-р-распустились...

Грегор задержал на иллюзорнике взгляд, дернул уголком рта, словно произнося про себя заклятие, и с мстительным удовлетворением пошел дальше, убедившись, что оставшийся позади иллюзорник цветом лица теперь напоминает собственную мантию, изрядно полинявшую и утратившую жизнерадостный золотистый оттенок. А нечего быть таким трусом! Преподаватель, называется... Чему он адептов научит?

Настроение Грегору изволил испортить единственный человек, которому это всегда сходило с рук, его величество Малкольм Дорвенн, единственный и неповторимый. Ему, видите ли, взбрело на ум, что лорду Бастельеро срочно нужно жениться. Дабы обзавестись потомством, которому можно будет передать титул и, главное, кровь сильнейших некромантов Дорвенанта. Самое обидное, что эта изумительная идея посетила светлую монаршую голову совершенно безосновательно!

Ну да, Грегор действительно неделю провалялся в госпитале после случайно пойманной на границе с Фраганой стрелы... Но ведь стрелка, как и пару дюжин оказавшихся рядом фраганцев, он сразу тонким слоем размазал по унылому пограничному ландшафту! И еще докомандовал операцией. А что потом свалился и неосторожно подпустил к себе целителей, коварно воспользовавшихся случаем, ну... Это не повод жениться, Пр-р-ретемная благослови всех доброхотов!

Желать этого королю он, разумеется, не стал. И вообще сбежал с аудиенции, заботясь о благополучии его величества, потому что пожелания членов семьи Бастельеро, высказанные в душевном волнении даже мысленно, имеют обыкновение сбываться самым причудливым образом. А Малкольм – неплохой король и весьма ценен для Дорвенанта. Да и вообще, жалко.

Необходимость срочно посетить архивы Ордена стала отличным предлогом уйти. К тому же, здесь меньше возможностей кого-нибудь убить после неприятного разговора... Грегор

снова досадливо дернул уголком рта, на сей раз по-настоящему. Вспоминать встречу, на которую он сам напросился, рассчитывая поговорить о деле государственной важности, теперь было откровенно досадно.

– Грегор, ты болван! – орал его величество за закрытыми, к счастью, дверями малого королевского кабинета, пока Грегор молчал, бледнел и не поднимал головы, чтобы, дай Претемная терпения, ни в коем случае не глянуть на обожаемого монарха и друга детства чем-нибудь вроде Чумного взора. – Ты чем думаешь?! Ладно, если бы тебя просто убили! Тебя ведь Баргота лысого убьешь, глупо и надеяться!

«Спасибо, ваше величество, – мрачно подумал Грегор. – Тронут...»

– Так ведь нет... – продолжал Малкольм, все сильнее распаляясь и бегая по кабинету с воздетыми, якобы к небу, а на самом деле просто к высокому потолку, руками. – На две ладони ниже сердца! И чуть выше кое-чего другого, а угоди она туда – и мог бы больше не беспокоиться! Желание жениться отпало бы само собой. Вместе с возможностью!

«У меня его и так не было, – про себя констатировал Грегор, поднимая взгляд и хладнокровно отмечая, что его величество пошел на третий круг пробежки с резвостью призового жеребца на скачках – вот и ноздри так же раздуваются... – Желания, то есть».

Развернувшись, Малкольм наставил на Грегора указательный палец и посмотрел взглядом, от которого Королевский Совет в полном составе бледнел и начинал вспоминать все свои грехи, а Грегору – самому Грегору! – стало несколько не по себе.

– Женишься! – объявил он подозрительно спокойно. – В ближайшее время. Или немедленно уйдешь в отставку, благо война закончилась, а с последними стычками разберутся без тебя. Ты слишком ценен для короны, знаешь ли... Так что женишься.

– На ком? – тихо поинтересовался Грегор, снова предусмотрительно опуская взгляд. – У вашего величества уже есть подходящая кандидатура?

– Ну... – слегка растерялся от такой неожиданной покладистости король, но тут же воспрянул: – Да ты оглянись вокруг! Пока ты воевал, столько девиц подросло! Цветник! Даже в Трех дюжинах, между прочим, есть невесты. О прочем дворянстве уже и не говорю.

– И все горят желанием надеть мое фамильное кольцо и продолжить род Бастельеро? – язвительно уточнил Грегор. – Ну, допустим, в это я поверю... А соотношение сил, так сказать, ваше величество верно оценивает? Я – и эти жеманные, накрашенные, накрахмаленные... цветочки! «Ах, помогите мне, я не могу подняться на подножку кареты, боюсь высоты! Какой ужас, подол показал кончик туфельки, я навеки обесчещена! Милорд, а что вам больше нравится на женщинах, фижмы или роброн?» Тьфу...

– Если ты способен выговорить слово «роброн», все не так уж безнадежно, – немедленно отомстил Малкольм, грузно падая в кресло. За последний десяток лет веса в его величестве изрядно добавилось, хотя могучая стать все еще вызывала уважение. – В общем, никаких оправданий я не принимаю. Будь любезен задержаться в столице достаточно долго, чтобы подобрать... кандидатуру. И подумай над тем, кому можешь передать дела в армии. Грегор, не сходи с ума, ради Семерых! Ты лучший главнокомандующий, которого я могу представить, но нельзя жить только ради войны. Закончившейся войны... Мир... он, знаешь ли, требует совсем других подвигов. А семья – далеко не худшее, что есть в жизни. Жена, дети...

Лицо короля смягчилось, расправилась складка между нахмуренных бровей, и он улыбнулся с тихой задумчивой нежностью, явно забыв, что его, Малкольма, жена – совсем не подходящий предмет для разговора именно с Грегором. Давно уже не подходящий. Лет пятнадцать как... Впрочем, может быть, он улыбался, думая о детях? Мальчишки у Малкольма действительно выросли на славу, точная копия отца. От матери в них даже не сквозит ничего, итлийская кровь оказалась бессильна перед старым золотом Дорвенанта, текущим в жилах Трех дюжин дворянских родов и, разумеется, королевской семьи Дорвеннов...

Огромная двустворчатая дверь Архивов, мореный дуб с бронзовыми накладками, до сияния отполированными бесчисленными поколениями адептов, выросла перед ним словно сама собой, позволив отогнать тягостные мысли. Все-таки вот эти последние слова Малкольма – это было нечестно. И уж точно не следовало срываться самому.

– Простите, ваше величество, – одним уголком рта усмехнулся Грегор, – но я бы хотел видеть в будущей супруге не только вешалку для фамильных сапфиров и сосуд для вынашивания детей. Непростительное легкомыслие, понимаю, но я всегда рассчитывал жениться по любви. Вам ли не помнить?

– По любви?! – завопил король, мгновенно переходя к прежнему тону и напрочь стирая мелькнувшую во взгляде тень вины, которая Грегору могла и почудиться. Даже наверняка почудилась. – Да чем тебе любить, Бастельеро?! У тебя же ни сердца, ни души! Ты когда вообще последний раз на женщину смотрел? То есть на живую, а не на призрак или умертвие! Шарахаешься от них, как пугливый конь от собственной тени! И не смей мне тут про разбитое сердце, слышишь? Трусость это и лень – всю жизнь прятаться за единственной отвергнутой любовью! Можно подумать, ты первый и последний, кто потерял любимую и должен жениться ради долга.

Он раздраженно рванул кружевной ворот рубашки, словно тот сдавил могучую шею, отвел взгляд, но сразу же снова уставился на Грегора с тяжелым вызовом. Запустил пальцы другой руки в коротко стриженные светлые волосы, взъерошил их, опять отвел взгляд...

– Как прикажете, ваше величество, – процедил Грегор, едва сдерживая кипящую внутри ледяную лаву ярости. – Претемной клянусь, как только встречу подходящую девицу, сразу женюсь! И заметьте, я про разбитое сердце ни слова не сказал. Что я вам, дурной мальчишка или менестрель? Полтора десятка лет прошло! Все умерло и прахом распалось... Нет, вам виднее, конечно, но если сердце и душа у меня все-таки вдруг найдутся, клянусь – отдам их невесте в придачу к обручальному кольцу. Что там еще обещать надо? Ах да, буду верен в жизни и посмертии! Претемной клянусь! Достаточно?!

Он выплюнул последние слова, как несколько недель назад выплевывал обжигающе горячую густую кровь на пожухлую, выжженную смертоносными чарами траву приграничья. Вместе с острой, выворачивающей нутро болью, вместе с горько-соленым страхом и невыносимым бессилием... Стиснул кулаки так, что перстни врезались в пальцы, и снова, как тогда, взмолился про себя беззвучно, но исступленно. Услышь, Претемнейшая! Милосердная и справедливая, разрубающая узлы и выпрямляющая пути! Ведь не может быть так, чтобы ты не услышала меня, своего рыцаря?! Да, я все еще надеюсь... Да, я глупец, верящий в чудеса! И да, я знаю, что об этом молят не тебя, а Всеблагую Мать, которая каждому живому существу назначает встретить пару, чтобы продолжить с нею род... Это – дело и право Всеблагой! Но я-то не ее Избранный, а твой! Так кого мне молить о милости? Пятнадцать лет! Одиночества, глухой тоски, стыда... Неужели мало я расплатился за одну только юношескую глупость? Ну хватит ведь, а?! Смилуйся, дай вдохнуть полной грудью, пусть и через боль! Забери эту дурацкую, безумную и бессмысленную, никому не нужную память о том, чего никогда не было и быть не могло!

И так же, как тогда, в чахло-приграничном леске, прячущем невысокий горный перевал, где Грегор несколько тягучих мгновений, пока не подросли целители, был уверен, что вот-вот умрет... Точно так же, отвечая на его беззвучный крик, что-то изменилось в мире вокруг. То ли неслышно зазвенела невидимая струна, то ли задрожало что-то у него самого внутри. Миг! И снова стало все по-прежнему, только накатила стыд за собственную глупую несдержанность.

И вправду дурак, нашел, о чем просить, где и когда. И, главное, кого! Да и зачем ему это... Дурак... И хорошо, если Претемная не услышала, ведь не услышала же, верно? Она чутка к просьбам своего Избранного, когда дело касается проклятий, дорог во тьму и смертного покоя. Какое ей дело до любви? И хорошо, очень хорошо, что так!

– Ой, дура-а-ак... – бессильно протянул король, оседая в самую глубину кресла и смотря на Грегора подозрительно жалостливо, будто услышал его мысли. – Подходящую девицу, значит? Позволь поинтересоваться, это какую же?

– Умную, – снова усмехнулся непослушными губами Грегор уже не зло, а устало и почти равнодушно, отвечая только для того, чтобы отвязался этот... заботливый любитель устраивать чужую жизнь. – Красивую, разумеется. Благородную, отважную и честную. И непременно интересную. Ах да, и согласную выйти за меня. Не ради титула и семейного достояния, а ради меня самого, вот такого, какой я есть. Имеются в вашем цветнике подходящие... растения?

– Пошел вон, шут балаганный!

Бронзовая чернильница врезалась в дверь чуть левее головы Грегора. Густо-фиолетовая жижа уродливым пятном растеклась по драгоценным обоям кремового арлезийского шелка, стекла вниз на узорчатый паркет... Разумеется, на Грегора ни одна капля брызнуть не посмела – еще чего не хватало! Щит он выставил за долю мгновения, как и положено магу такого уровня.

«А его величество Малкольм, – с холодной отстраненностью, вдруг сменившей злость, заметил Грегор, – со времен нашей общей юности ничуть не стал сдержаннее. Впрочем, это и хорошо, что он по-прежнему швыряется, чем под руку попадет. Другой бы, глядишь, на плаху отправил за неповиновение или в крепость – отдохнуть и подумать. И пошел бы ты, мэтр-командор, никуда бы не делся. Потому что – Бастельеро. А Бастельеро верны своему королю, будь они хоть маги, хоть простые лорды, хоть... шуты».

Одернув кружевные манжеты новой, специально надетой для аудиенции рубашки, он сухо и резко поклонился, переломившись в поясе немного ниже, чем подобало для его титула. Выпрямился, посмотрел в глаза Малкольму. И, пользуясь великодушным позволением удалиться, вышел, тщательно и бережно прикрыв за собой массивную дверь в темно-фиолетовую крапинку.

Вот почти такую же дверь, возле которой он уже с минуту стоит и смотрит, а перепуганный архивариус не решается ни сказать что-либо, ни попросту пройти вперед.

– Ваша светлость?

«Все-таки осмелился, – подумал Грегор. – Что ж, отвагу следует вознаграждать».

И посторонился, пропуская бледного архивариуса. Из открывшейся двери повеяло прохладой и особенным архивным запахом старой бумаги, чернил, кожаных переплетов и пыли. Эти запахи Грегор любил, они всегда его умиротворяли. А вот едва заметную, но хорошо различимую чутьем опытного некроманта нотку крысиной вони, ненавидел!

Архивариус, пользуясь моментом, шмыгнул в лабиринт высоченных, под самый потолок, книжных полок и затерялся в них. Очень предусмотрительно с его стороны! Грегор как раз хотел высказать недовольствие наличием крыс!

Он медленно прошел между стеллажами, позволяя себе несколько минут воспоминаний... за четвертым стеллажом от входа лет двадцать назад он целовался с самой красивой девушкой Зеленого факультета, как же ее звали-то... Никак не вспомнить. Даже лицо позабылось. Зато очень хорошо помнилось ее научное любопытство: отличаются ли поцелуи некромантов от поцелуев представителей других факультетов? От этой жажды знаний он тогда и сбежал.

Раздражающий запах крыс становился все сильнее, и Грегор поморщился: нельзя же так запускать хранилище бесценных документов! Вот в его время работа в Архивах для провинившегося адепта была счастьем. Это вам не полусгнившие трупы на препараты разбирать и не лабораторных упырей кормить!

Крысы, похоже, окопались где-то под девятым стеллажом, и как раз на нем должны были находиться книги о магических аномалиях, за которыми явился Грегор. Ну, им же хуже... Крысам, то есть.

Он услышал противный писк и почувствовал всплеск чистой силы мгновением раньше, чем увидел прислоненную к стеллажу длинную лестницу. А еще через мгновение едва успел заслониться рукой – тяжеленный том в кожаном переплете с металлическими уголками приложил его по голове весьма чувствительно.

– Дерьмо упыриное! – ругнулся Грегор, непочтительно отбрасывая коварный источник знаний на пол.

Надо Малкольму сообщить! Король считает, что на войне опасно, а доблестного мэтра-командора чуть не пришибло фолиантом в якобы мирной библиотеке!

– Ой! – раздалось сверху, и наученный горьким опытом Грегор снова вскинул руки.

Хорошо, что у некромантов отличная реакция!

В этот раз на него рухнула не книга! Что-то куда более увесистое, шуршащее, мягкое, пахнущее пылью, яблоками и еще чем-то абсолютно непонятным. И... живое?

Грегор покачнулся от неожиданности, но удержал упавшее существо, крепко стиснув его в ладонях.

– Ой, – испуганно повторило оно где-то на уровне его груди.

Грегор задумчиво посмотрел на дрыгающиеся перед его глазами длинные тощие ножки в беленьких кружевных панталонах и некогда светлых, а сейчас очень пыльных атласных туфельках. Все остальное надежно скрывал колокол задравшейся юбки. Или упавшей? Как это следует называть, если девица висит в твоих руках вниз головой?

Девица?!

Он еще раз посмотрел на туфельки. На кружевные панталончики. На собственные манжеты совсем близко от них.

Новые манжеты. Из точно такого же кружева, как на пресловутых панталончиках.

«Сменю портного!» – злобно подумал Грегор, а потом неожиданно для себя успокоился и перевернул девицу в более естественное положение, продолжая держать за талию и не опуская, на всякий случай, на пол. Свежий шрам на животе потянуло, а потом прострелило мгновенной резкой болью, и Грегор едва удержался, чтобы не скривиться. Залатали его в госпитале на совесть, но, может, не зря тот целитель, что делал операцию, уговаривал полечиться еще хотя бы неделю? Нехорошо выйдет, если внутренние швы разойдутся. Да ладно, обойдется!

– Ой, – раздалось в третий раз смущенно и виновато. – Простите, мэтр...

Грегор, уже набравший было воздуха для холодной злой нотации, посмотрел – и выдохнул.

Перевел взгляд на лестницу, верхний край которой все еще опасно качался, прикинул траекторию, если бы девочка упала не на него, а мимо, и тяжело вздохнул.

– Осторожнее, дитя, – сказал он насколько мог мягко.

И так глазищи перепуганные. Огромные, почти круглые и зеленые, как... как летние дубовые листья! Вот точно такие листья, бархатно-изумрудные, пронизанные солнцем на про-свет, он увидел, очнувшись в лагере после проклятой стрелы. Они качались прямо над головой и издевательски жизнерадостно шелестели. А где-то дальше зло и устало ругался невидимый целитель...

– Простите, – виновато повторила девчонка.

Лет двенадцати, не больше, и почему-то вместо форменной мантии одетая в темно-зеленое платье из тонкой шерсти, слишком дорогое для простолюдинки, слишком изысканное для дочери купца. Дворянка?

– Извольте представиться, – предложил он и уже приготовился выслушать очередное «ой».

– Айлин, младшая леди Ревенгар, – благовоспитанно представилась девочка и попыталась изобразить реверанс прямо в его руках, дернулась, но, осознав неудобство положения, учтиво склонила голову и тут же выпрямилась, уставившись прямо на Грегора.

Он тоже присмотрелся, недоумевая.

Две толстые рыжие косы когда-то наверняка были уложены во что-то приличное, но шпильки, или чем там леди их крепят, вылетели, и теперь косы свободно болтались по обе стороны от веснушчатого личика. Округлые щеки, узкий подбородок... Лицо девочки имело почти идеальную форму сердца, как его рисуют романтические девицы в альбомах и любовных письмах. Это было бы слащаво до неприятного, если бы не россыпь золотистых крапинок на носу и щеках и не выбившиеся из кос короткие прядки, непослушные, торчащие во все стороны, светящиеся в скурых солнечных лучах не столько благородным золотом, сколько торжествующе нахальной начищенной медью.

«Ревенгар?! – молча поразился Грегор, разумеется, прекрасно помнивший характерные стати этого рода: неизменную белесость глаз, волос и кожи, долговязость и обязательное во всех мыслимых и немыслимых ситуациях надменное выражение лица. – Вот это?»

Даже тренированное воображение некроманта отказывалось представить ярко-рыжую, зеленоглазую и вызывающе веснушчатую Ревенгар. С юбкой на голове. Впрочем, юбка уже заняла более приличное положение – и на том спасибо.

– Грегор, лорд Бастельеро. К вашим услугам, миледи, – сухо от удивления сказал Грегор и наконец вспомнил, что девочку надо поставить на пол. – Красный факультет, я полагаю?

Действительно, где еще может учиться Ревенгар, как не у боевиков? Задатки соответствующие: книгу уронила метко, упала тоже удачно. На мягкое. И неважно, что случится с тем, кому не посчастливилось оказаться внизу.

– Еще не знаю, милорд, – как-то очень взросло вздохнуло прелестное дитя. – Меня пока не распределили. Милорды мэтры обещали сегодня...

– А есть сомнения? – заинтересовался Грегор.

Не целительница же, те обычно чистой силой не кидаются, как и артефакторы с алхимиками. Стихийница? Или все-таки боевичка? И почему ее не распределили, если занятия давно идут? Сейчас уже почти конец осени, адепты начали заниматься больше двух месяцев назад, а девочку только привезли? Внезапные выплески силы?

– Мэтр Бреннан говорит, что у меня странная искра, – смущенно призналась неправильная Ревенгар, на шаг отступив и задрав голову так, чтобы смотреть ему прямо в глаза с непонятной доверчивостью. – Красно-фиолетовая. И дрожит.

– Фиолетовая? Вы уверены? Впрочем, если мэтр Бреннан говорит...

Мнению старого целителя Академии, определяющего цвет искры у адептов уже лет тридцать, поверить стоило. Но красно-фиолетовая?

Грегор задумчиво оглядел низ стеллажей, мысленно нащупал ближайший серый шерстяной комоч и позвал. Крыса, странно подергиваясь, выползла на открытое пространство и уставилась на них стремительно краснеющими бусинами глаз. Вокруг ее пасти показалась пена.

– Сделайте с ней что-нибудь, – вежливо попросил Грегор и добавил: – Миледи...

– А-а-а-й!

Перед его глазами снова мелькнул зеленый подол и башмачки. С похвальным и удивительным для дворянки проворством леди Айлин белкой взлетела на ту же самую лестницу.

Грегор мысленно застонал. И его еще приглашают в преподаватели!

– Леди, послушайте, – попытался он исправить положение. – Эта крыса не причинит вам вреда. Она уже дохлая.

Судя по взгляду девчонки, аргумент оказался неудачным. Или нет?

Грегор с удивлением увидел, что страх в ее глазах сменился... сочувствием? Да, она явно смотрела на мерзкое существо с жалостью, вон, даже губы дрогнули.

– Уходи... – тихо сказала девочка. – Уходи и спи. Не бойся, это не больно. Просто спи.

По архиву снова повеяло силой, теперь с отчетливым фиолетовым окрасом. Крыса, снова пискнув, взглянула на Айлин и юркнула под стеллажи. Грегор почувствовал, как рвется свя-

завшая их нить заклития. Поганая тварь больше не была ему подвластна. Она освободилась... Точнее – ее освободили!

– Очень интересный метод, – сдержанно сказал Грегор, подавив рвущиеся на язык комментарии, пожалуй, слишком неприличные, чтобы применить их к юной деве. – Так вы говорите, ваша искра еще и красная? Очень любопытно.

– Это не я, это мэтр Бреннан говорит, – поспешно уточнила леди и попыталась слезть с лестницы.

Лестница ожидаемо закачалась, и Грегор уже отработанным движением подставил руки. Девчонка, совершенно не смущаясь, прыгнула в них, ударив Грегора косами и обдав сладким детским запахом чистого тела и яблок. «Боевичка! – с непривычным умиленным удивлением подумал он. – Только во Фрагану и забрасывать. Фраганские месьюры поголовно скончаются от восторга. А она их поднимет и спать отправит».

– Прелесть какая, – мрачно сказал он вслух.

И снова поставил неправильную, но такую интересную Ревенгар на пол.

Зеленые глазищи распахнулись еще шире, чем в первый раз, как бы невозможно это ни выглядело, и девчонка поспешно отступила, наконец-то решив, что этикет требует от нее покраснеть. Краснела она, как и положено светлокочим рыжикам, разом: от ушей до шеи, благовоспитанно прикрытой высоким воротником-стоечкой. Но веснушки все равно никуда не делись, просто щеки леди стали похожи на спелые яблоки, темно-розовые и в золотую крапинку.

Окинув взглядом бесконечные стеллажи, Грегор подумал, что нужную ему подборку по магическим возмущениям может сделать дармоед-архивариус. А то затаился среди полок, наверное, участь крысы разделить опасается. И не без оснований!

Что он сделает с человеком, видевшим, как мэтр-командор ловит падающих девиц, а потом убивает для них крыс, Грегор не знал, но был уверен, что страх архивариуса изобретательнее фантазии лорда Бастельеро.

Окружающих главное – изначально правильно запугать, а дальше они всю твою жизнь будут относиться к тебе соответственно.

– Полагаю, мы еще встретимся, миледи, – сказал он, глядя в огромные, но уже не круглые от страха, а миндалевидные, как оказалось, глаза. – Позвольте откланяться.

Нет, откуда все же у бледной немочи Ревенгара такая дочь?

«А вот у мэтра Бреннана мы об этом и спросим!» – решил Грегор.

Глава 2. Знакомства старые и новые

Мэтра Бреннана Грегор нашел именно там, где и ожидал, то есть в целительском крыле. Здесь он тоже не был лет двадцать. Пожалуй, с того самого дня, как его приволокли едва живого после дуэли, на которую пятнадцатилетний Грегор, адепт третьего курса, вызвал трех боевиков сразу. Его противников, впрочем, тогда положили в соседней палате, и одним из них был как раз Дориан Ревенгар.

А предметом дуэли, помнится, послужил вывод той самой прекрасной целительницы, что некроманты целуются лучше. Как же ее звали-то... Да какая разница? Оказалось, что при должной ловкости несколько противников – это даже преимущество. Их так удобно столкнуть между собой! А Грегор после дуэли заявил, что просто хотел уравнивать силы. Да, получилось не очень честно, потому что он предпочел бы пятерых соперников. Жаль, что еще парочку в помощь тем трем найти не удалось!

Лорд Эддерли, магистр Фиолетовых и личный наставник Грегора, тогда только посмеялся над его нахальством и посоветовал мэтрам Красного факультета учить своих адептов получше, если трое из них не постыдились принять вызов от одного-единственного некроманта, а потом еще умудрились попасть заклятиями друг в друга...

С Дорианом они тогда помирились, между прочим. И даже собирались вместе отлупить Дункана Роверстана с Белого факультета, который заявил, что не собирается участвовать в «турнире поцелуев», потому что слишком себя уважает, чтобы стоять в очереди и служить предметом сравнения. Прекрасная целительница не на шутку обиделась, то ли за науку, то ли за пренебрежение своими девичьими чарами, а Грегор с Дорианом мгновенно забыли собственную вражду от такой наглости разумника, да еще и простолюдина. Впрочем, Роверстан как-то вывернулся – уже тогда был скользкий, словно угорь.

За прошедшие годы у целителей ничего не изменилось. Тот же слабый запах лечебных зелий, унылые, но безупречно чистые зеленые стены, серые каменные полы и шелест старых лип за окном.

Разве что теперь Грегор может, минуя палаты, пройти сразу в кабинет главного целителя. Но перед тем, как взяться за ручку двери, он тронул прохладную стену пальцами и на несколько мгновений замер, глубоко вдохнув. Суэта Академии осталась далеко позади, словно обыденным заботам не было доступа сюда, во владения Милосердной Сестры и ее одетых в зеленое подданных. Здесь властвовал особый покой, а воздух будто пропитался благожелательным умиротворением, но все-таки... Все-таки любой, кто привык иметь дело со смертью, чувствовал, что далеко за гранью видимого мира Милосердная Сестра никогда не взирает на больного или раненого в одиночку. Рядом с ней бесстрастно и терпеливо ждет своего часа Претемнейшая Госпожа, потому что исцеление всегда идет рука об руку со смертью.

Грегор усмехнулся – что это его потянуло на философские упражнения? – и открыл дверь.

При виде мэтра-командора, давно вышедшего из возраста адепта, мэтр Бреннан подозрительно обрадовался, окинул его отеческим взглядом, безошибочно задержавшись на недавней ране, словно видел сквозь одежду, и жизнерадостно поинтересовался:

– Дорогой Грегор! Как я рад вас видеть! Неужели вы наконец поумнели настолько, что больше не считаете заботу о здоровье слабостью? Что беспокоит?

Грегор честно вспомнил длинный список того, что его беспокоит, включающий болванов-подчиненных, три фраганских корпуса на границе и последнюю идею короля. Забота о собственном здоровье в списке если и присутствовала, то на самом последнем месте. Потому что не дождутся!

– Айлин Ревенгар, – перешел он сразу к делу. – Она действительно двойная звезда? Первый подтвержденный случай за семь десятков лет?

– Скорее всего, да, – пожал плечами Бреннан, взмахом руки пригласив его садиться.

Мэтр как раз изволил обедать, и сейчас на столе, очищенном от бумаг или лекарственных инструментов, стоял дымящийся кувшин, от которого пахло шамьетом.

Рядом с кувшином на большом блюде золотилась горка пирожков. Маленьких, но толстых, с поджаристой корочкой... Если вкусы мэтра Бреннана так же постоянны, как и все остальное в Академии, пирожки должны быть с вишней. Мэтр всегда угощал своих пациентов, и хоть Грегор попадал в больничное крыло нечасто, вкус тех пирожков словно вспыхнул у него во рту. Неужели все-таки прошло двадцать лет?!

Не вставая с кресла, Бреннан невозмутимо достал из глубин стола вторую чашку, разлил шамьет, пододвинул ближе к Грегору пирожки и задумчиво сообщил:

– Интереснейший феномен. Во всех описанных случаях у двойной звезды первый цвет проявляется ярко, а второй – лишь отблеском. У девицы Ревенгар искра мерцает, меняя цвет полностью.

– Невозможно, – уверенно сказал Грегор, взяв пирожок и стараясь незаметно вдыхать упоительный запах свежей сдобы и вишни. – Хотите сказать, что, становясь боевиком, она перестает быть некромантом? Чушь!

– Боюсь, любезный Грегор, – душевно сказал мэтр Бреннан, – что, когда Семеро создавали магию, они забыли попросить вас о консультации. И мир теперь устроен не совсем так, как вам представляется. Да вы ешьте, пока теплые.

Грегор старательно проглотил то, что успел откусить, и согласился:

– А Семерым бы не помешало. Я бы мог проконсультировать. Но, возвращаясь к леди Ревенгар... Кстати, как она может быть Ревенгар с такими волосами? Дориан женился на белке?

– Любите вы своих соучеников, – с ностальгической нежностью отозвался мэтр Бреннан. – Нет, представьте себе. На леди Гвенивер Морхальт, пятой дочери магистра Морхальта. Любовь, знаете ли, она вроде простуды. Ей все подвластны.

«Действительно, – согласился про себя Грегор. – Морхальты – род хотя и приличный, но далеко не из самых знатных. А старый Морхальт, если слухи верны, большую часть семейного состояния потратил на медицинские опыты, которые принесли ему пост магистра Зеленой гильдии, но денег не вернули. Значит, за пятой дочерью вряд ли дали хорошее приданое, если вообще дали хоть какое-то. Трудно объяснить подобный брак лорда Ревенгара, главы одной из влиятельнейших семей королевства, чем-то, кроме... болезни...»

– Полагаю, леди Гвенивер довольно красива? – сказал он вслух. – В любом случае, странно, что молодая кровь победила старую. Мне казалось, что в семьях из Трех Дюжин дети всегда имеют фамильные черты.

В памяти Грегора всплыл длинный ряд портретов в семейной галерее: урожденные Бастельеро, черноволосые синеглазые дамы и кавалеры, надменно глядящие с полотен, были столь похожи, что никто не посмел бы усомниться ни в их родстве, ни в чистоте древней крови. И ведь это проявляется не только у них в семье. Эддерли смуглы, но белокуры, Райнгартены долгоязы, веснушчатые и слегка рыжеваты, чернявых Кастельмаро можно принять за итлийцев, если бы не голубые глаза. А Ревенгары – немочь бледная, это закон! Хм. Возможно, потому кровь Морхальтов и победила?

Грегор отлично помнил старого Морхальта. Когда он учился в Академии, в волосах пожилого целителя, который вел у них курс общей медицины, огненная рыжина еще боролась с серебром седины. Цвет глаз в памяти Грегора не остался, но и без того ясно, что Айлин Ревенгар пошла в деда. Правда, не исключительным целительским даром, что было бы гораздо

выгоднее для девочки, а всего лишь внешностью. Весьма милой, надо сказать, хоть и ничего особенного.

– Брат-близнец юной леди – типичный Ревенгар, – сообщил мэтр Бреннан, дожевывая пирожок, и с удовольствием облизал испачканные маслом и вишневым соком пальцы, хотя рядом с кувшином лежали салфетки. – Даже жаль, что у него совершенно отсутствует искра. Если не ошибаюсь, у Ревенгаров было уже пять поколений боевиков подряд, и все после обучения шли в армию. Его светлость Дориан очень беспокоится, что столь достойная традиция прервется на его сыне. Но если магии нет...

– А сын его светлости вполне может выбрать военную карьеру и без магических способностей, – пожал плечами Грегор и тут же спохватился: – Как нет? Вообще?

– Мой дорогой Грегор, что вам непонятно в словосочетании «отсутствует искра»? Юный наследник Ревенгаров лишен магической силы. Совсем.

В голосе Бреннана, как ни странно, отсутствовало сожаление. Тоже – совсем.

А Грегор вспомнил волосы цвета лесного пожара, зеленые глаза и запах яблок. И высокомерную мор... лицо Дориана, с возрастом наверняка еще сильнее ставшего походить на жеребца. Очень породистого, надо отдать ему должное, жеребца. И вот у Дориана, помешанного на семейных традициях и собственных представлениях об аристократизме, рождаются лишенный магии сын-наследник и одаренная дочь, похожая на Ревенгаров не больше, чем сам Бастельеро. М-да...

– Полагаю, Дориан разочарован?

– Очень, – согласился Бреннан опять подозрительно довольным голосом.

– Сыном? – уточнил Грегор, сообразив, что старый целитель отчего-то совершенно не сочувствует его бывшему соученику.

– Боюсь, что нет, – вздохнул мэтр. – Дочерью. Он, видите ли, вбил себе в голову, что девочка отняла дар у брата. Даже не знаю, как он себе это представляет?

Грегор едва не подавился шамьетом. Дориан что, с ума сошел? Великим мыслителем он никогда не был, но ведь даже у глупости должен быть предел!

– Я застал совершенно безобразную сцену, – морщась, продолжил Бреннан и подлил себе шамьета, небрежным мановением руки подогрев его прямо в чашке, над поверхностью которой появился парок. – У леди Айлин во время обследования случился срыв. Ну вы же знаете, это обычное дело при первых проявлениях дара. До этого она выказывала безусловную склонность к некромантии, что, кстати, очень беспокоило родителей. Ничего действительно серьезного: случайно анимированный скелет собаки, якобы разговоры с призраками... Второе, кстати, могло быть и детскими выдумками, в отличие от скелета – его я видел собственными глазами. Но в моем присутствии девочка дала чистый красный выплеск. Редкий по силе для ее возраста. Полагаю, будь это ее брат, лорд Ревенгар был бы в восторге. Однако двойная искра у одного ребенка и полное отсутствие магии у другого... Хуже всего, что юному Артуру тоже додумались внушить подобную глупость, и он прямо во время обследования обвинил сестру в собственной бездарности. Конечно, девочка разрыдалась, искра мгновенно потеряла стабильность. В общем, очень гадко вышло, просто чрезвычайно.

– Но магию нельзя отнять, – прокашлявшись, сообщил Грегор совершенно очевидную вещь. – Как нельзя украсть, купить, получить в дар и даже унаследовать! Да, случается, что кто-то из Семерых особенно благосклонен к одной семье – я сам тому живой пример! Но даже среди Бастельеро иногда рождаются алхимики, иллюзорники и просто личности, одаренные другими талантами, не магическими! А Ревенгар рассуждает как... как дикарь какой-то!

– Боюсь, юной леди от этого не легче, – очень сдержанно сказал мэтр Бреннан. – Ее родители крайне далеки от мысли поддержать ее и позаботиться о должной огранке столь дивного бриллианта. Подозреваю, что лорд Ревенгар слишком много времени провел вдали от семьи и вообще... не очень знает, в каком отцовском влиянии нуждаются девочки. С сыном он пре-

красно ладит, насколько я успел понять, но воспитание дочери полностью поручил супруге. А леди Гвенивер воспитывалась в семье целителя, она считает зеленую силу единственным приличным даром для женщины. Словно одаренность можно выбрать, как платье или прическу! Она просто в ужасе, а на девочку глядит... едва ли не с отвращением. Не понимаю, Грегор, ну как так можно? Некроманты, боевики, иллюзорники... Мы все – любимые дети богов, каким бы цветом ни сияла наша душа!

Он со стуком поставил дымящуюся чашку на стол и продолжил, постепенно повышая голос и раздувая крылья крупного горбатого носа:

– Дориан же сам – боевик! Допустим, довольно посредственный, но уж выплески красной силы у дочери он мог бы проконтролировать. Все дело в некромантии, извольте ли видеть! Ни у Морхальтов, ни у Ревенгаров темный дар в роду не встречался. Вдобавок, родители сочувствуют Артуру. И куда больше, чем заслуживает его поведение! Артуру! Наследнику, правильному мальчику-Ревенгару! Айлин же... Ее отослали в Академию посреди учебного года просто потому, что испугались. И не какие-нибудь неграмотные крестьяне, а лорд и леди из семей потомственных магов! Испугались двенадцатилетней девочки, собственной дочери, вообразите только!

Бреннан вздохнул, словно устыдившись прорвавшегося возмущения, но Грегор ясно видел, что старый целитель не на шутку разгневан. Да и было чем, кстати! Опасаться некромантии – это Грегор как раз мог понять. Но считать ее чем-то непристойным? Не подобающим девице-аристократке? Какая чудовищная глупость! Не говоря уж о том, что явное неуважение к Претемнейшей Госпоже... Ревенгар – болван! Безмозглый осел, не способный ни сам понять, с какой милостью богов имеет дело, ни внушить это остальным домочадцам. Так поступить с собственным ребенком! Да, она не наследник рода, а всего лишь девочка, но ведь явно умная и одаренная! Претемнейшая, да будь она даже бездарностью, она ребенок и нуждается в защите семьи!

Он снова вспомнил хрупкую фигурку маленькой леди Ревенгар и чуть сильнее сжал в пальцах еще горячую чашку. Девчонке – двенадцать. Совсем как ему, когда... Нет, он не будет об этом думать. И не станет сравнивать. С Айлин Ревенгар все совершенно иначе. Но вот это жуткое чувство беспомощности, когда теплый и заботливый мир вокруг оборачивается темной стороной... Дориан, какой же ты барготов убудок, если отвергаешь собственного ребенка. И какая дура твоя жена!

– Впрочем, это и к лучшему, – слегка успокоившись, продолжил Бреннан: – Опасно оставлять столь мощный потенциал без развития и постоянного присмотра. Девочку все равно следовало забрать в Академию, просто не таким образом. Кстати, Грегор, вы не собираетесь в этом году взять хотя бы факультативный курс? У нас нехватка преподавателей, а вам, я слышал, предлагали.

«Мне много чего предлагали сделать, – мрачно подумал Грегор. – Король, фраганцы, соперники на дуэлях и дорогие бывшие наставники... А если бы я все это выполнял, то уже давно отправился бы к Барготу, причем женатый, в преподавательской мантии и с исключительно неприличными целями. Неприличное, почему-то, предлагают чаще всего. Правда, никогда – дважды. Я – преподаватель? Учебные планы, лекции, практические занятия... Воспитание адептов?!»

– Обязательно подумаю, – вежливо сказал он вслух и допил остывший шамьет под понимающим взглядом целителя.

А ведь действительно, война почти закончена. Фрагана получила хороший урок, переговоры о мире уже ведутся, и вскоре пост мэтра-командора станет почетной формальностью. Быть главнокомандующим во время мира – какая занудная пошлость! Зато исследования, ради которых приехал в Академию, обещают стать настоящим прорывом... хм... и хорошо бы – не в буквальном смысле. Дорвенант стоит на краю такой пропасти, с которой не может сравниться

никакое иностранное вторжение. Его величеству следовало бы озаботиться не женитьбой своего верного подданного, а тем рапортом, который Грегор сочинял всю дорогу от фраганской границы до дворца!

Но Малколм непростительно, почти преступно беспечен, а верховный совет Ордена – сборище маразматиков, исключая разве что Великого Магистра Кагельмаро, хотя он и самый старый из них, магистра Кристофа да магистра Эддерли, бессменного главу некромантов уже четверть века. Впрочем, вроде бы в последние годы в Совете случились существенные перемены?

Вот, кстати! Ради обследования новопроявленной двойной звезды, первой за несколько дюжин лет, Совет глав гильдий соберется в полном составе, просто не может не собраться. Такая удачная возможность добраться разом до них до всех еще долго может не представиться. Совет Ордена обязан осознать всю серьезность ситуации, даже если Грегору придется каждого почтенного мага тыкать в свои выкладки носом, словно сделавшего лужу щенка.

* * *

– Несправедливо! – с чувством сообщила Айлин пустому коридору и тяжелой двери. – Я же еще не учусь, откуда мне было знать, что крыса – мертвая? И вообще, крыса... ну... это же крыса!

Дверь, разумеется, промолчала, но, как показалось Айлин, осуждающе. Ну да, она боится крыс. Ну и что? Она, между прочим, леди. Имеет право, вот! И нечего тут...

Айлин толкнула дверь и вошла в комнату.

Мэтр Бреннан привел ее сюда сегодня утром, велел устраиваться и ожидать заседания совета, а потом ушел. Айлин только и успела спросить, можно ли ей в библиотеку, тут же наверняка есть библиотека? Мэтр улыбнулся и разрешил.

– Только постарайтесь там не потеряться, – добавил он с лукавой доброй усмешкой. – И не слишком задерживайтесь. Большой Совет соберется в три часа пополудни. Советую вам, юная леди, отдохнуть и познакомиться с соседкой по комнате. Возможно, вам придется долго жить рядом.

Но тогда, утром, никакой соседки в комнате не было. Айлин немного посидела на узкой, пока еще не застеленной кровати, оглядываясь и гадая: какой она окажется, ее соседка?

Вторая постель была аккуратно накрыта вышитым покрывалом, розовым в крупных голубых цветах, а на тумбочке у изголовья стояла тарелочка с кремовыми пирожными. На спинке кровати висела серая мантия, отделанная по вороту и манжетам, как и положено адептам, желтым шелком. Ее будущая соседка – маг иллюзий?

«Наверное, она симпатичная, – решила Айлин, глядя на слишком яркое, но красивое покрывало и тарелочку. – Ямочки у нее на щеках, когда улыбается... Матушка всегда говорила, что настоящая леди должна есть пирожные, от этого на щеках будут ямочки. Вот бы удалось с ней подружиться!»

Она бы попыталась подружиться, не откладывая, но соседка все не приходила и не приходила. Айлин поскучала, задумчиво съела пирожок – один из тех, что собрала ей в дорогу заботливая тетушка Элоиза, оставила сверток с еще тремя на своей тумбочке и направилась в библиотеку. А там... а там был лорд Бастельеро! Мэтр-командор дорвенантских боевых магов! Герой войны с Фраганой! И... и... вообще герой и Избранный Претемной Госпожи!

И он даже устроил ей испытание, самое настоящее!

А она его разочаровала. Нашла, когда визжать. И перед кем! И всего лишь из-за какой-то крысы! И... и... он же видел ее белье!!! О, Претемная и Пресветлый! Теперь мэтр Бастельеро ее точно презирает!

У-у-у-у...

– У-у-у, – раздалось в унисон ее мыслям.

Айлин даже испугаться успела: неужели она вслух сказала про белье? Вроде бы нет?

Но почему тогда соседка так ее рассматривает?

Она и правда оказалась симпатичной. Старше Айлин, почти совсем взрослая! Лет, наверное, пятнадцати-шестнадцати. Светловолосая, голубоглазая, с круглым лицом и сама вся какая-то кругленькая, милая и похожая на булочку с глазурью. И щеки – с ямочками!

В обеих руках она держала пирожки, те самые, что Айлин оставила на тумбочке, с яблоками и корицей! И откусывала от каждого по очереди.

Айлин нерешительно застыла на пороге. Пирожков, конечно, не жаль, но разве можно вот так, без разрешения? Она бы с радостью угостила соседку, но сама! А вот так...

Девочка прищурилась. Откусила от каждого пирожка еще раз – Айлин показалось, что напоказ. Прожевала...

И лениво протянула:

– Ну?

– Что, простите? – осторожно спросила Айлин.

О чем это она?

Соседка закатила глаза, словно призывая потолок в свидетели ее, Айлин, тупости, и четко проговорила:

– Я спрашиваю: что ты натворила, что тебя сюда засунули в середине года? – И добавила негромко, явно для самой себя: – Вот наказание... Мне же обещали, что я весь год буду жить в этой комнате одна. А теперь, извольте видеть, подсунули какое-то мелкое недоразумение.

Айлин заморгала. Соседка говорила так, словно поступить в Академию – позор, а не великая честь!

– Н-ничего я не творила, просто у меня был выплеск, и мэтр Бреннан сказал, что очень сильный, и что мне нужно срочно учиться контролю, а папенька...

– Пф! Ну ты и врешь, – протянула соседка, не дослушав, и в ее голосе Айлин почудилось презрение. – Ты же малявка! И какой еще сильный выплеск, откуда?!

Лицу стало невыносимо жарко, будто Айлин окунулась в горячую воду. По какому праву эта девочка обвиняет ее в подобном? И почему она не верит?

– Я леди! – звонко выпалила Айлин. – Я... я никогда не вру, никогда! У меня был, был выплеск! А мэтр Бреннан его заблокировал, потому что павильон в саду рассыпался! А скелет вообще вылез сам, я не знала, что под павильоном похоронили волкодава... а вы, вы... вы не имеете права меня обвинять! Я никогда не вру, понятно?!

Соседка вскочила с постели, стиснула кулаки, и яблочное повидло, гордость тетушки Элоизы, выступило между ее пальцами, поползло по рукам. Она скривилась, сразу перестав быть хоть сколько-нибудь симпатичной.

– Ты врешь! Поду-умаешь, лее-еди... Не может быть, чтобы у тебя было столько силы, чтобы и павильон, и скелет! Так не бывает, чтобы все сразу, будь ты хоть сто раз леди. Ты... ты соплячка и врунья! Врунья!

– Нет! – Айлин отступила на шаг, уперлась лопатками в дверь. Что она такого сделала, почему ей не верят? Почему эта девочка на нее кричит? – Мэтр Бреннан сказал, что сегодня соберется Совет магистров и...

– И тебя выгонят! Выгонят! Потому что все увидят, что ты ничего не можешь!

– Я... я могу! Я... я зажгу огонь, хочешь?

– Огонь?

Девочка пошла к двери, то есть к Айлин, медленно и мелкими шажками, ну прямо кошка тетушки Брайда к мышинной норе. И выражение личика то же самое: хищный такой интерес, предвкушение забавы. А мышь... а мышь – она, Айлин? Леди Ревенгар? Ну уж нет! Сейчас она ей покажет, вот сейчас!

– Да! Огонь! Настоящий!

– Так был же скелет, – промурлыкала соседка. – А? Скелет? Скелеты поднимают только некроманты. А огонь – это боевики. Или стихийники! – И припечатала: – Не только врунья, а еще и дура!

Айлин сглотнула, сосредоточилась, заставляя себя не слышать презрительного фырканья, и потянулась туда, где горела ее искра. Зажмурилась, вытянула руку, почувствовала, как бежит по жилам горячая щекочущая сила, как становится горячо ладони, на которой вспыхивает огонек...

– Ха! Я же говорила! Ничего ты не можешь! Вот магистры увидят, что ты ничего не можешь, и выгонят тебя! – И соседка снова добавила тише и с явной надеждой: – Поскорее бы...

Айлин распахнула глаза. Огонька не было.

Не было!

Но как же... Она же может! Она ведь зажигала огонь, она все делала, как обычно! Магия всегда отзывалась!

Кроме... того раза, когда Артур накричал на нее, и сила будто спряталась, исчезла, ушла... Но ведь мэтр Бреннан говорил, что это временно! Что магия иногда ненадолго прячется от сильных переживаний. Что, если он ошибся, и Айлин на самом деле никакая не магесса?! И все это было напрасно, и Артур на нее обиделся без причины... И отец будет разочарован, а матушка снова скажет, что Айлин – гадкая девочка, которую невозможно любить... Нет! Да нет же! Искра, милая, где ты...

Соседка подбоченилась и посмотрела с таким презрительным превосходством, что... что...

– И плакса!

Нет! Айлин – Ревенгар! Не дождется эта... иллюзорница!

– Я вернусь после Совета, и мы поговорим об этом, – проговорила Айлин тем самым тоном, которым матушка говорила с модистками и приказчиками в лавках. – Надеюсь, что за время моего отсутствия вы не позволите себе доесть мои пирожки или рыться в моих вещах. До скорой встречи, госпожа Как-вас-там.

Задрав нос и изо всех сил сохраняя пристойную леди осанку, она вышла за дверь. И только здесь...

В глазах защипало, слезы хлынули потоком, а платок, как вспомнила Айлин с ужасом, остался в комнате, на самом дне дорожной сумки.

Ну уж нет, в комнату она не вернется!

– Прошу вас, миледи, – прозвучал над самой ее головой мягкий голос мэтра Бреннана, а возле самого лица возник большой платок.

Зеленый, как и положено целителю.

Всхлипнув, Айлин невольно задумалась, не следует ли и ей завести платок соответствующего цвета. И какой он будет, неужели красный? Ой нет, наверное, фиолетовый все же лучше... Или он должен быть в клетку, раз у нее двойная искра? Слезы как-то сами собой закончились.

– Рад видеть, что вы уже успокоились, – улыбнулся мэтр Бреннан. – Вытрите глаза и облегчите носик. Платок можете не возвращать, у меня есть еще. А потом идемте. Нас ждут на Совете.

Глава 3. Дюжина магистров и одна девочка

За три года, что Грегор не видел Великого Магистра Кастельмаро, престарелый стихийник совсем сдал. Длинные борода и волосы, до этого благородно серебряные, истончились и потускнели, став похожими на паутину. Глаза запали и выщвели, а морщины прорезали лицо еще глубже, безмолвно рассказывая о долгом и славном, но близком к завершению жизненном пути. «Еще год-другой, максимум – три, – с сожалением подумал Грегор, – и Совету гильдий придется выбрать нового главу Ордена».

Он окинул взглядом собирающихся членов Совета, пытаясь угадать наиболее вероятного претендента. Из разноцветных мантий уже можно было собрать полную радугу, магистры чинно рассаживались за огромным полукруглым столом по обе руки от Кастельмаро, который то ли спал с открытыми глазами, то ли обдумывал исключительно высокие материи. Семь цветных мантий и одна белая – по четверо с каждой стороны.

Что ж, представительницу гильдии алхимиков, единственную женщину в Совете, можно отметить сразу: за всю историю Ордена его главой ни разу не становилась магесса и вряд ли станет. Хотя амбициозности леди Уинн хватит на троих Великих Магистров. Зато ее коллега-артефактор, сидящий рядом, честолюбия лишен напрочь. Старину Адальреда и на пост главы Синей гильдии загоняли едва ли не пинками. Но все равно обязанности он передал помощникам, а сам дни и ночи он проводит в лаборатории, пытаясь повторить успехи покойного лорда Мэрли, своего наставника и великого артефактора. Итак, синий и голубой медальоны-звезды еще не скоро сменят хозяев.

Целитель? Старый Морхальт, сидящий дальше за Адальредом? А ведь действительно, мать девочки – это же его пятая дочь, поздний ребенок, очередная и снова бесплодная попытка зачать сына, как шептались в свое время. Грегор внимательнее всмотрелся в морщинистое не по возрасту лицо магистра, выглядящего куда старше своих... – сколько ему там? – семидесяти с небольшим лет, что для мага-целителя, в общем-то, не возраст. Непрошибаемо спокоен, как будто перед советом должна предстать не его внучка! Что ж, беспристрастность – неплохое качество для возможного Великого Магистра. А вот для родного деда талантливой девочки, которой не повезло с родителями, не слишком!

Последним цветом справа был фиолетовый. Грегор мазнул взглядом по отлично знакомой осанистой фигуре немолодого, но все еще крепкого и легкого в движениях темного мастера. Тот приветливо кивнул бывшему ученику. И Грегор не смог не подумать, что если лорд Эддерли, ироничный умница и знаток древних поэтов, сменит фиолетовую звезду на семилучевую, некромантам понадобится новый глава гильдии. Никого более подходящего для этого, чем он сам, Грегор Бастельеро не знал.

На этом магистры справа от Кастельмаро закономерно закончились, и Грегор одарил вниманием левую сторону. Первые три мантии ударили в глаза чистыми цветами пламени, желтым, алым и оранжевым.

Стихийник Райнгартен, высокий, рыжевато-русый, с мягкой улыбкой и внимательными серыми глазами на худом загорелом лице, занял этот пост всего пару лет назад. В этом поколении Райнгартенам повезло на таланты. Сын главы рода – уже магистр гильдии, а его старший кузен сменит Грегора на посту главнокомандующего. Правда, оба они слишком молоды, Райнгартен-маг лишь немногим старше самого Грегора, и совершенно невозможно, чтобы ревнители традиций, а попросту осторожные и закоснелые в боязни всего нового магистры на выборах назвали именно его имя. Жаль, кстати, молодой стихийник Грегору нравился... Или, если говорить честно, не нравился куда меньше многих других. По крайней мере, с ним можно было бы работать...

Кристоф, магистр красных? Он в близком родстве с королем, а это, как ни странно, для будущего Главы скорее помеха, чем достоинство. Интересы Дорвенанта и Ордена слишком часто требуют выбирать между ними, и плох тот Великий Магистр, что предпочитает государственную пользу, пренебрегая своим долгом мага. Ничего плохого про седовласого боевика, белесого, словно выгоревшего на солнце, и тонкого, но гибкого, будто хорошая дуэльная шпага, Грегор сказать не мог. Нынешняя война показала, что воспитанники Алого факультета – лучшее оружие дорвенантской армии. Но главой Ордена Кристофу, скорее всего, не быть.

Иллюзорник? Грегор глянул на ярко-желтую мантию и вздыбленные седые волосы, будто магистра Волански только что шибануло выплеском чистой силы. Правый глаз его, черный и мертвый, был совершенно неподвижен, зато левый, ярко-голубой, вращался будто сам по себе, едва не вылезая из орбиты и не фокусируясь ни на чем дольше пары мгновений. Узкие губы застыли в кривой рассеянной улыбке... Нет, Совет не настолько безумен, чтобы отдать звезду Великого Магистра безумнейшему из них. Разве что все решат именно так, проголосовав за самого невозможного из кандидатов, и сумасшедший шарлатан получит пост именно потому, что его никто не воспринимает всерьез.

В сторону последнего из магистров Грегору и смотреть не хотелось. Узнав, кто стал новым главой Белого факультета вместо прежнего, почившего от старости, он едва смог сдержать ругательство. Это вам не Дориан Ревенгар, с которым Грегор в юности дрался и мирился, но всегда помнил, что Три дюжины должны держаться вместе. Это даже не обычный дворянин, каких среди магов большинство, и в целом они – опора и мощь Ордена. Это же...

Над соседом в желтой мантии Дункан Роверстан возвышался на целую голову. Просто удивительно, что до сих пор его никто на эту наглуемую голову не укоротил! Грегор с удовольствием бы этим занялся, но Роверстан при каждой их встрече с поразительным изяществом избегал любого повода для дуэли. А ведь не сказать, чтобы Грегор его не искал, та история с целительницей стала лишь первой в ряду подобных. Роверстан своим язвительным отказом умудрился походя оскорбить всех юношей, участвовавших в «турнире поцелуев», а потом еще и неприятностей избежал. Р-разумник, призови его Претемнейшая побыстрее! То есть по определению скользкая изворотливая тварь, лишенная малейшего понятия о чести.

Кто-то из предков Роверстана явно был южной крови, то ли итлийцем, то ли фраганцем с восточных окраин, то ли вовсе арлезийцем. Черные как смоль волосы, собранные в хвост, блестящие углы глаз, нос с горбинкой и смуглая кожа... И при этом рост и плечи такой ширины, словно под шегольской белой мантией надет полный доспех. На фраганской границе Роверстан бы очень пригодился, Грегор с удовольствием заткнул бы разумником узкий горный перевал, через который днем и ночью ломились месьюры! Баргот их побери... И перевал, и месьюров, и Роверстана разом!

– Грегор, мальчик мой, – проскрипел внезапно проснувшийся Великий Магистр. – Присядьте, сделайте милость. В ногах, как известно, правды нет. Ни в ногах, ни... гхм... выше.

Грегор послушно присел на один из трех стоящих у стены стульев, массивных, но подчеркнута неудобных, чтобы посетители ни в коей мере не ощутили себя равными избранному обществу Ордена. Он бы оскорбился подобным пренебрежением, но слишком хорошо понимал, что таковы правила игры. К нему проявили любезность уже тем, что не оставили в приемной, пока Совет решит вопрос с девочкой, а пригласили сразу в зал, позволив там дожидаться обсуждения его доклада. Этикет Ордена, чтоб его. Это за пределами Академии Грегор – мэтр-командор, главнокомандующий дорвенантской армии, герой войны и ближайший друг короля, а здесь один из рядовых членов Фиолетовой гильдии, который должен знать свое место. Кстати, о месте...

Почему стульев три? Один – для Грегора, второй – для мэтра Бреннана, разумеется. Пожилому целителю сидеть с магистрами не по чину, но и стоять его, конечно, не оставят. Но девочке вряд ли предложат сесть, тем более у стены.

Ответ на свой вопрос Грегор получил почти сразу, дверь распахнулась, и торжественно серьезный мэтр Бреннан ввел юную леди Ревенгар. Девчонка казалась меньше, чем помнилось Грегору, вдобавок еще более растрепанной, бледной... и заплаканной. Во всяком случае, нос и глаза у нее отчетливо покраснели. Следом в зал вошел незнакомый Грегору престарелый маг в темно-коричневой мантии. Его длинные, совершенно белые волосы были заплетены в косичку по моде полувековой давности, и тогда же, видимо, сшита форменная мантия служащего Академии, ныне болтающаяся на худых старческих плечах, как на пугале.

Поклонившись Совету, этот последний гость прошел к стене и присел рядом с Грегором, уделив ему внимания не больше, чем мухе, жужжащей на окне. Грегору же показалось, что он чувствует запах архивов, словно почтенный старец был ожившим фолиантом незапамятных времен.

– Милорд Великий Магистр, почтенный Совет! – заговорил Бреннан. – Позвольте представить вам леди Айлин Ревенгар. Как маг, проводивший исследование дара, я свидетельствую, что обнаружил у девицы аномалию искры.

Девчонка, услышав про аномалию, побледнела еще больше и бросила на целителя испуганный взгляд. Но вместо того, чтобы съежиться, выпрямилась еще сильнее, развернув худенькие плечи и отчаянно задрал веснушчатый носик.

– Свидетельствую также, что во время испытания юная леди проявила несомненную склонность к боевой магии. Кроме того, есть доказательства проявления ее сил в области некромантии.

Переведя взгляд на Совет, Грегор увидел, как вежливое равнодушие на лицах магистров сменяется заинтересованностью.

Стихийник Райнгартен слегка подался вперед и приветливо улыбнулся девчонке, алхимичка Уинн смотрела с холодным любопытством, как на редкий препарат, магистр Эддерли и глава боевиков – ну, с этими все понятно, происходящее в их прямой компетенции. И если юная леди в самом деле двойная звезда, схватка за нее обещает быть интересной.

Магистр иллюзорников налил в высокий стеклянный стакан вишневого, судя по цвету, сока со льдом, отпил и, старательно миновав девчонку взглядом, принялся разглядывать что-то вверху. Выражение его лица при этом подозрительно напоминало восторг, но вот по поводу чего? Грегор склонен был думать, что Волански впервые и совершенно внезапно для себя обнаружил в зале Совета потолок.

Артефактору, кажется, было все равно: его происходящее никак не касалось, и Адальред откровенно скучал.

Роверстан откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки и с веселым удивлением посмотрел сначала на девочку, потом почему-то на Грегора и сидящего рядом с ним мэтра, потом снова перевел взгляд на девчонку. Массивное золотое кольцо, которое разумник носил в ухе, словно какой-то итлийский пират, качнулось, и вставленный в него белый камень сверкнул ярким бликом. «Что за безвкусица, – брезгливо подумал Грегор. – Впрочем, чего и ждать от простолюдина».

Морхальт... Магистр целителей сидел совершенно неподвижно, с лицом настолько каменным, что это само по себе выглядело странным, даже если бы Грегор не видел его взгляд. На морщинистом лице, похожем на морду старой черепахи, жили только глаза – яростно-изумленные и словно ставшие ярче. Волосы магистра давно утратили великолепный цвет насыщенной меди, а глаза – краски летнего леса, но теперь Грегор ясно видел сходство между ним и внучкой. Пожалуй, ему хотелось бы увидеть недостающее звено, жена Дориана Ревенгара должна быть изумительно хороша собой. Хотя вот Грегору рыжие женщины никогда не нравились. Есть в них что-то вызывающее, почти неприличное.

Магистр Волански, отпив еще глоток сока, поставил стакан на стол, но почему-то не перед собой, а перед сидящим рядом Роверстаном. Тот явно удивился, но промолчал. Впро-

чем, иллюзорник все же решил объясниться. Нежно посмотрев на стакан, он наклонился к нему и пообещал темно-вишневой жидкости:

– Будет весело!

С отчетливым презрением фыркнула Уинн, а Кастельмаро чуть сильнее приподнял тяжелые веки и обратился к леди Ревенгар:

– Не бойтесь, милое дитя, покажите нам что-нибудь.

Девочка сосредоточенно кивнула, закусил губу и честно попыталась. Грегор почувствовал тончайшее колебание силы, слишком слабое, чтобы проявиться зримо.

Уинн снова фыркнула, громко и презрительно. Девчонка бросила на нее затравленный взгляд и попыталась снова. И снова. И еще раз.

Грегор невольно почувствовал к ней уважение за характер бойца. Но ему, как и любому из присутствующих, было понятно, что ничего не получается.

В этом как раз не было ничего страшного: только проявившийся дар слаб и нестабилен, а чем больше напрягаешься, тем хуже чувствуешь потоки. У многих адептов искра вообще колеблется первые несколько лет учебы. Но девочка подобных тонкостей явно не знала и, кажется, вообразила себе всякие ужасы до утраты дара включительно.

– Все хорошо, дитя мое, – поспешно сказал опытный в таких делах мэтр Бреннан, ласково касаясь плеча девочки, но почти одновременно с этим Уинн – какая же невыносимая дура! – с холодным раздражением велела:

– Успокойтесь, адептка! Мы собрались не для того, чтобы вытирать вам нос. Раз уж вы приехали учиться, покажите что-нибудь или не отнимайте наше время! Что-то же у вас должно получаться?

Глаза девчонки наполнились слезами. Еще миг – и она бы наверняка расплакалась, но Роверстан укоризненно произнес низким бархатным голосом, разительно контрастирующим с визгливым тембром Уинн:

– Дорогая коллега...

«...не изволите ли заткнуться?» – мысленно продолжил Грегор, но разумник выразительно промолчал и перевел взгляд на девочку.

Облокотившись на стол, он чуть подался вперед и сплел пальцы перед собой, так что перстень с молочно-белым опалом блеснул в солнечных лучах. Грегор нечасто видел, как работают разумники. Роверстан не сплетал потоки энергии, не использовал арканы или руны, не творил заклинаний. Он просто смотрел с мягкой, слегка рассеянной улыбкой, но на миг воздух между ним и девочкой словно сгустился, а на Грегора повеяло отблеском чужой силы, вкрадливой, убаюкивающей, шепчущей, что все хорошо, волноваться нет нужды, вокруг друзья, и никто не причинит вреда...

«Все же Роверстан – умница, – расслабленно подумал Грегор – Не то что остальные... Извиниться перед ним за последнюю встречу, что ли...»

Тут же его будто подбросило, наваждение спало, смытое ледяной злостью, а девчонка яростно и испуганно взвизгнула, и от нее плеснуло алым выбросом. Стоящий перед Роверстаном стакан разлетелся, как показалось Грегору, на тысячу осколков.

Роскошная белая мантия разумника вмиг превратилась в тряпку, покрытую выразительными красными пятнами, а кое-где ее даже украсили прорехи. Собранные в хвост волосы и изумленное лицо магистра тоже радовали цветом, но вряд ли его самого. А Грегор, искренне наслаждаясь зрелищем, вдруг вспомнил, кто поставил перед Роверстаном злополучный стакан. Волански, пожалуй, не так прост.

Леди Ревенгар, взглянув на дело рук своих, побледнела еще больше, хоть и казалось, что дальше некуда, зажмурилась, сжала кулачки, пытаясь справиться с собой, но паника оказалась сильнее. Вырвавшаяся на свободу сила, дикая, сырая и необузданная, отбросила Бреннана, попытавшегося снова коснуться плеча девчонки, и устремилась к Совету.

Вот ее-то Грегор, в отличие от действий Роверстана, видел прекрасно – попробуйте не заметить алый шторм, пронизанный серебряными молниями! Претемнейшая, какой потенциал!

В нарастающий грозный рокот силы вплелись совершенно неуместный дребезжащий смешок Волански и хриплый надсадный визг Уинн.

– Прекратите истерику, коллега! – издевательски вежливо попросил ее магистр боевиков, щелчком пальцев поднимая щит. – Во-первых, мы собрались не для того, чтобы успокаивать вас. Во-вторых, какой прекрасный выплеск! Жаль, что неосознанный, но над этим мы поработаем.

«Работать он будет!» – зло подумал Грегор, сообразив, что после такого глава Красных станет драться за девчонку до последнего. Да и драться не придется, Эддерли не видел того, что случилось в библиотеке, и сейчас взирал на происходящее не более, чем с безмятежным интересом.

– Хватит! – раздался спокойный негромкий голос Великого Магистра, и в зале мгновенно стало тихо.

Кристоф продолжал держать щит, растянув его на весь стол с небрежным превосходством боевика над теми, чей дар не позволял такие легкие манипуляции силой. Впрочем, испугалась представления только Уинн. Эддерли и Райнгартен при нужде вполне могли прикрыться сами, а Волански змеистые молнии, плещущие у самого стола, словно не замечали, зато он смотрел на них с чистым восторженным любопытством, как ребенок в балагане фокусника. Сидящий с краю Роверстан, со стороны которого щит заметно утончался, поднял собственный, полупрозрачный, но видимый. «Неплохо, – признал Грегор. – То есть для разумника, которому чистой силой управлять сложнее всего... Адальред с Морхальтом, вон, и пытаться не стали».

– Хватит, – повторил Кастельмаро и очень мягко сказал девочке: – Этого вполне достаточно.

Никакой волшебной силы слова Великого магистра не имели, но девчонка, всхлипнув, выдохнула и как-то разом успокоилась. Шторм улегся, молнии растворились в воздухе, и в зале Совета отчетливо запахло грозовой свежестью.

– Предлагаю зачислить юную леди на Красный факультет, – бодро высказался Кристоф, убирая ненужный щит. – Что скажете, дорогой Эддерли?

– Фиолетовый факультет не возражает, – вежливо отозвался некромант. – Проявлений нашего цвета я не зафиксировал.

– Но... – попытался было открыть рот Бреннан, однако Эддерли учтиво его прервал:

– Простите, уважаемый мэтр, я нисколько не ставлю под сомнение ваши слова, но если даже сейчас, во время серьезного потрясения, будущая адептка не обратилась к некромантии, говорить о сколько-нибудь серьезном даре в этой области не вижу смысла.

– Я вижу! – с удивлением услышал Грегор собственный голос. И, выдержав паузу под устремленными на него взглядами, небрежно сообщил: – Час назад в библиотеке я наблюдал, как леди Ревенгар упокоила мертвую крысу. Поднятую, между прочим, лично мной. И смею заверить, хорошо поднятую. Без скидок на возраст и отсутствие обучения.

На лице магистра Эддерли отразился живейший интерес. Возможности своего бывшего любимого ученика в работе с умертвиями он представлял прекрасно.

– Вот как, дорогой Грегор? – мурлыкнул он. – Что ж, это в корне меняет дело. Мы с удовольствием примем юную леди к себе.

Грегор встретил недобрый взгляд магистра Кристофа улыбкой и с наслаждением увидел, как боевик первым отвел глаза. Вот так-то. Будь ты хоть трижды бастардом покойного короля, дядюшкой нынешнего и боевым магом в придачу, с Избранным Претемной тебе взглядами не тягаться.

– Минутку, коллеги! – подала голос Уинн. – Красный выплеск, фиолетовые чары – это все прекрасно, но мы забыли главное. Если девочка действительно двойная звезда, то настолько интересный объект не появлялся уже лет... пятьдесят?

– Семьдесят, – проскрипел сидящий рядом с Грегором старик, вдруг встрепенувшись. – Последний подтвержденный случай – мэтр Киран Лоу. Основной цвет – фиолетовый, отблеск – синий. Был освидетельствован Советом под предводительством великого магистра Логрейна.

Выдав это, он вновь погрузился в подобие забытья.

«Архивариус в отставке, значит, – подумал Грегор. – Видимо, побеспокоили ради такого случая. Судя по возрасту, он эту звезду вполне мог знать лично. Лоу, Лоу... где же я про него слышал? Впрочем, неважно».

– Вот видите! – воспрянула дура Уинн. – Феномен нуждается в изучении! Предлагаю для начала серию испытаний, заодно определим, какой цвет искры у объекта доминирует. Лично я полагаю очень многообещающим, что в состоянии нервного напряжения адептка проявляет силу так ярко. Возможно, если сменить тип воздействия, мы получим и другие выплески?

Глаза Уинн, слишком быстро забывшей о своем страхе, горели фанатичным огнем.

– Обязательно получите, – снова услышал себя будто со стороны Грегор. – Если бы меня в ее возрасте так напугали, я бы обеспечил кафедру некромантии наглядными пособиями на несколько лет вперед, о практике для целителей уже и не говорю. Позвольте узнать, дорогая леди Уинн, как вы собираетесь проводить исследования? Колоть, как вы изволили выразиться, «объект» иглками? Или, может, сразу разберем на части?

– Зачем же сразу... – заикнулась Уинн, но под его взглядом побледнела и наконец-то замолчала.

Очень вовремя, а то Грегор уже начал прикидывать, в каком учебном пособии наиболее нуждается родная кафедра. Крысы, если вдуматься, не слишком виноваты в своей природе, а вот Уинн полезно будет принять участие в каком-нибудь увлекательном эксперименте с другой стороны, в качестве его объекта.

Айлин Ревенгар, на которую он мельком глянул, стояла, вытянувшись в струнку и застыв. Только глаза, в которых давно высохли слезы, ярко блестели, и взгляд испуганно метался по залу. На Роверстана, уже тщательно вытершего платком лицо, но так и оставшегося в запятнанной, словно окровавленной мантии, она старалась не смотреть, и Грегор ее не винил – девочке и так досталось. Да и было бы там что разглядывать.

– Эк-с-с-с... Э...Экс-с-с-сперимент... – просвистело рядом с Уинн, и старый Морхальт, вцепившись пальцами в крышку стола, поднялся на ноги.

«Еще один!» – с просыпающимся бешенством успел подумать Грегор, но тут морщинистое лицо магистра перекопилось, глаза закатились, а левый угол рта, напротив, явственно обвис, и из него побежала струйка слюны.

Бессильно отпустив стол, Морхальт начал заваливаться назад, и Бреннан, охнув, кинулся к нему, а сидящая рядом Уинн шарахнулась в сторону, почти упав в объятия артефактора. Не потерявший присутствия духа Эддерли поймал старика, и они с Бреннаном, оббежавшим длинный стол, склонились над Морхальтом.

Великий Магистр Кагельмаро посмотрел туда и вдруг с тем же непрошибаемым спокойствием поинтересовался у Грегора:

– Мальчик мой, так вы не надумали взять факультативный курс?

Вокруг царила суматоха, как в солдатском лагере, который среди ночи атаковал противник. Роверстан присоединился к тем, кто хлопотал над Морхальтом, – оттуда веяло потоками зеленой силы и доносились тревожные голоса. Уинн жалась к артефактору, смущенно обнимавшему ее за плечи. Райнгартен нервно перекладывал какие-то бумаги. Кристоф – вот что значит опытный боевик! – благоразумно никому не мешал. Откинувшись на спинку кресла и

сплестя пальцы перед собой, он разглядывал юную Ревенгар, а Волански налил себе еще стакан сока и невозмутимо его потягивал.

– Не уверен, – выдавил Грегор и тоже посмотрел в сторону леди.

Девочка, словно почувствовав, отвела взгляд от суетящихся вокруг Морхальта магов и устала на него умоляюще.

– Какая жалость, – вздохнул Кагельмаро. – А я надеялся спихнуть на вас индивидуальные занятия. У нас все больше адептов, требующих особого подхода. Некроманты, боевики... Я, конечно, могу попросить кого-нибудь из наименее загруженных магистров. Леди Уинн, к примеру. Или не стоит?

Он лукаво посмотрел на девочку, и Грегор со злым восхищением понял, что главой Ордена ему не быть еще долго. Пока не научится вот так же!

– Один курс, милорд Великий Магистр. И учеников я выберу сам. Только некромантов, разумеется.

«Не хватало еще мучиться с какими-нибудь бездарностями!»

– Дюжина адептов по вашему выбору, – так быстро и охотно согласился Кагельмаро, что Грегор понял – продешевил.

Но не отказываться же теперь! Он снова взглянул на юную леди и кивнул ей.

– Идемте, адептка Ревенгар. Вы зачислены на Фиолетовый факультет, но с дополнительным изучением Красных дисциплин.

– Но... – начал было Кристоф, однако его перебил Великий Магистр:

– А у вас, дорогой мой, категорически не хватает преподавателей, вы сами подавали мне докладную не далее, как на прошлой неделе.

Грегор спрятал усмешку, поднялся и зашагал к выходу, его первая ученица шла рядом.

Жаль, очень жаль, что ознакомить совет со своими выкладками сегодня не выйдет, слишком уж не вовремя Морхальта хватил удар. Но теперь Грегор будет появляться в Академии каждый день – и никуда от него магистры не денутся!

Глава 4. Звезды и карты

Обратно в комнату Айлин почти бежала – лорд Бастельеро летел по коридорам длинными быстрыми шагами, едва замечая, как она старается поспевать за ним. Это было бы обидно, но Айлин только порадовалась, что не привлекает его внимания.

Покинув зал Совета, лорд совершенно перестал походить на мрачного, но учтвого дворянина, встреченного ею в библиотеке. Тогда он говорил с явной иронией, но за ней все равно чувствовалась скрытая теплота. Сейчас же лицо мэтра-командора заострилось, скулы выступили резче, а ярко-синие глаза сверкали так, что было откровенно страшно встретиться с ними взглядом.

И он будет ее учить?! Еще и не вместе со всеми, а лично, если Айлин правильно поняла слова Великого Магистра? Ой-ой-ой...

Дома преподаватели тоже были довольно строги, но там никто не требовал от нее большего, чем быть послушной и благовоспитанной тенью Артура. Уроки проводились для него, наследника Ревенгаров, а ей позволяли присутствовать, потому что в светском разговоре леди должна уместно восхищаться умом и образованностью мужчины. От нее никто не ожидал, что она научится чертить карты, решать задачи и разбираться в законах и истории так же хорошо, как Артур. Она ведь даже пишет, как кошка хвостом! Красивый почерк, как и все прочие способности, кроме магии, из них двоих достался Артуру, буквы и цифры из-под его пера текли ровные и изящные, а Айлин, показав наставнику результат многочасовых усилий, постоянно оставалась без сладкого.

Что, если она и здесь не справится? Соученики будут над ней смеяться, противная соседка – презирать, а лорд Бастельеро – разочаруется! Единственный, кто поверил в нее и даже заступился перед всем Советом. И это после того, как она устроила такое! Права была матушка, называя ее гадкой невоспитанной девчонкой, которую нельзя пускать в приличное общество!

Интересно, можно ли назвать общество в Академии приличным?

Айлин старательно, но незаметно осмотрелась, продолжая поспешать за лордом. Где-то вдалеке ударил колокол, и коридор начал наполняться стайками детей, как ее возраста, так и намного старше. Почти все они были в серых, коричневых или черных мантиях с разноцветной отделкой. Девочки – неизменно в длинных, а среди мальчиков попадались те, кто носил подобие короткой туники поверх штанов. Адепты Академии, избранники богов! Дома Айлин представлялось, что маги, даже будущие, должны быть серьезными и важными, а они смеялись, разговаривали, некоторые с любопытством смотрели на Айлин, но гораздо чаще – на ее спутника. И в этом она еще как их понимала.

Лорд Бастельеро был одет в такой же черный мундир, как Айлин видела у отца, но куда более богато украшенный: фиолетовые петлицы – широченные, пуговицы – золотые, а с оплечий на спину и грудь скалятся геральдические дорвенантские львы, шитые золотым и алым шелком. Красиво так, что дух захватывает! И неудивительно, что все расступаются, а потом провожают лорда взглядами...

Лорд всего этого как будто не замечал, на адептов он не обращал ни малейшего внимания, а с преподавателями сухо раскланивался. И лишь однажды, когда в темном коридоре они увидели пожилого мэтра с приятным улыбчивым лицом и в густо-фиолетовой мантии, окруженного стайкой ребят возраста Айлин, она заметила, что лорд поклонился ему гораздо ниже, чем всем прочим.

Наконец, они вернулись в крыло, где были комнаты учеников, и дверь комнаты Айлин уже виднелась впереди, когда она решила.

– Милорд Бастельеро? – начала она, но спутник прервал ее с холодной вежливостью:

– С сегодняшнего дня обращайтесь ко мне «мэтр Бастельеро», адептка Ревенгар. – И, поскольку она смущенно замолчала, чуть мягче добавил: – Что вы хотели?

– Мэтр Бастельеро, – старательно повторила Айлин. – Что такое «двойная звезда»?

Мэтр, как его следовало теперь называть, слегка придержал шаг и глянул на нее остро-пронзительным взором. Айлин уже не раз видела такой взгляд, взрослые смотрят им, когда решают, что можно знать детям, а о чем говорить не стоит.

– Это означает... – сказал он, немного помолчав, и за эти несколько мгновений Айлин едва не умерла от ужаса. – Что у вас хороший... потенциал. Способности, иными словами. Но вам придется приложить вдвое больше усилий, чтобы правильно распорядиться своими талантами. Так что не слушайте всяких болтунов, которые будут говорить о вашей исключительности, и привыкайте к мысли, что успех дается только работой. Запомните: терпение и трудолюбие суть первейшие добродетели мага.

– Спасибо, мэтр, – вежливо отозвалась ничего не понявшая Айлин и твердо пообещала: – Я запомню.

Интересно, а нельзя ли спросить про двойную звезду у мэтра Бреннана? Ох, как же она могла забыть! Мэтр Бреннан сейчас в лазарете с милордом Морхальтом! Она и вправду дрянная девчонка – даже не вспомнила про родного деда! Правда, они и не виделись до этого дня...

В доме Ревенгаров постоянно гостили ее тетушки, сестры дорогой матушки. Айлин не позволялось, конечно, присутствовать при взрослых разговорах, но тетушки часто приезжали с детьми, которых принимали как хозяева они с Артуром. Точнее, принимал их Артур, Айлин должна была только сделать комплименты при встрече, а потом подавать чай со сладостями и помалкивать, пока к ней не обратились. И если она вела себя тихо, не привлекая внимания, то чего только нельзя было услышать в детской гостиной!

Гости, пять кузенов и три кузины, все – того возраста, чтобы уже ездить с визитами, но еще не быть допущенными во взрослую гостиную, болтали обо всем на свете! Кто уехал в деревенское поместье или вернулся в столицу, кто получил чин или удачно женился, у кого родились дети или умер кто-то в семье...

Айлин знала лично и по рассказам каждого родственника по матери и отцу. Кроме милорда Морхальта, ее родного деда. О нем молчала даже болтливейшая тетушка Амелия, которая знала все обо всех и щедро делилась этим, даже когда ее никто не спрашивал. Милорда Морхальта словно не существовало в том мире, где жила Айлин, а ведь Академия – это так близко! Даже если милорд был очень занят, он мог бы навещать их по праздникам... А теперь он тяжело болен, и Айлин, наверное, даже не пустят его навестить! Или пустят?

Дверь комнаты вдруг оказалась перед самым ее носом, и голос милорда... ой, то есть мэтра Бастельеро, посоветовал:

– Отдохните хорошенько, адептка Ревенгар. Завтра у вас непростой день.

А потом мэтр развернулся и ушел, и Айлин осталась перед дверью одна, с ужасом понимая, что сейчас придется снова иметь дело с этой... этой... не леди! Ну что ж, ее ведь приняли в Академию, значит, она имеет такое же право здесь находиться, как и противная соседка. Она не даст себя запугать и больше никогда не позволит себе выглядеть слабой!

Айлин решительно вдохнула, выдохнула и, открыв дверь, переступила порог.

В комнате пахло шамьетом, коричневыми пирожными и духами.

А еще – средством для укладки волос. Этот запах, казалось, пропитал насквозь будуар матушки. К сожалению, кровь предков, как сочувственно вздыхали тетушки, наградила волосы леди Ревенгар непокорным нравом и тягой завиваться в крупные тугие кольца. То и другое она передала дочери. Последние несколько сезонов это было совершенно не в моде! Айлин все еще делали детские прически, а матушка пользовалась средством из лучшей алхимической лавки столицы, распрямляя непослушные локоны и укладывая их в высокие гладкие сооружения, как

приличествует леди. Вот этим выпрямителем теперь и пахло в комнате, и Айлин вздрогнула, почему-то решив, что матушка приехала за ней.

Но вместо нее в комнате обнаружили целых три девицы: все та же вредная соседка, которой Айлин ничего не простила и не забыла, и еще две блондинки, худенькие, остроносые, хорошенькие и очень похожие, но не как сестры, а просто как девушки, которые завиваются, красятся и одеваются в одном и том же месте – очень дорого, очень красиво, и, наверное, модно. Только, увы, совершенно одинаково.

Стоило Айлин войти, гости уставились на нее с жадным любопытством, а соседка – с неприязнью.

– Надеюсь, ты пришла собраться домой, милочка? – пропела она, поднося к накрашенным пухлым губкам чашку с шамьетом и манерно отставив мизинчик, на котором блеснуло кольцо.

– Пожалуй, подожду до ближайших вакаций, – холодно сообщила Айлин, прошествовав к своей кровати и с размаху усевшись на нее.

Судя по накрытому столику, ломившемуся от угощения, девицы расположились надолго. Приглашать ее они явно не собирались, да Айлин бы и не согласилась! Леди, конечно, должна быть вежлива, но в то же время ей следует избегать неподобающего общества, а именно это общество иначе назвать было сложно.

Девицы, внимательно ее рассмотрев и не соизволив представиться, вернулись к шамьету и обменялись, как увидела со своего места Айлин, многозначительными взглядами. Ну точь-в-точь тетушки, обсуждающие недостойное поведение какой-нибудь дебютантки.

Айлин рассеянно провела ладонью по чистому, но явно не новому покрывалу. Разбирать вещи в присутствии этих невоспитанных куриц она не решалась – еще начнут высмеивать. На тумбочке возле кровати все еще стояла тарелка с одиноким пирожком, но есть тоже не хотелось, зато шамьетом пахло так, что Айлин невольно и как можно более незаметно сглотнула.

– ...А я ей и говорю: «Вам, милочка, следует поменять модистку, а то сливовый шелк уже год, как вышел из моды. Его даже в поместьях не носят!»

– А она?

– А она так улыбается дерзко и отвечает, что пусть, мол, те, кому он не к лицу, его и не носят, а она будет носить, что захочет! Какова наглость!

«Правильно ответила, – про себя одобрила Айлин неизвестную девицу. – С этими так и надо! Между прочим, сливовый шелк из моды вышел не весь, а только гладкий. Муаровый вполне еще носят. Тетушки рассказывали, что сама королева его любит!»

– А слышали новость про Кристианну?

– Кристианну с Голубого факультета или с Красного?

– Ну конечно же, с Голубого! Знаете, где ее видели на прошлой неделе после полуночного колокола?

– И где же? – немедленно оживились остальные.

Девица наклонилась к собеседницам и что-то шепнула.

– Неужели?! – взвизгнула соседка Айлин. – Вот бесстыжая девка! А что же магистр Роверстан?!

– Ах, ну что магистр... – томно протянула девица. – Неужели он обратит внимание на такую вульгарную особу, которой не стыдно оказаться ночью возле комнаты мужчины?

«Обязательно обратит! – подумала Айлин, в этот момент напомнив сама себе любимую тетушку Элоизу, славящуюся острым языком и полным отсутствием почтения к приличиям. – Или чтобы впустить, или чтобы отогнать подальше, если особа нехороша собой».

– Кто знает... – задумалась третья, отвечая на невысказанные мысли Айлин. – Мужчины падки на этаких... доступных.

– Магистр Роверстан не из них! – слаженным дуэтом возмутились ее собеседницы. – Он такой благородный! Такой возвышенный! Такой... такой...

Айлин невольно заинтересовало неслыханное собрание добродетелей, каким являлся, судя по всему, неведомый магистр. Роверстан, Роверстан... Она честно попыталась вспомнить, слышала ли эту фамилию, но не преуспела. Если пресловутый магистр и был дворянином, в гостиной Ревенгаров его не обсуждали. Ну... или обсуждали за закрытыми дверями, подальше от Айлин. И если так, то это о многом сказало бы!

Девушки продолжали возмущаться, и тут в дверь постучали. Почти сразу же она распахнулась, и в комнату заглянул смуглый белокурый юноша в длинной темной мантии с фиолетовым воротником и манжетами.

– Доброго дня, милые девы! – улыбнулся он всем сразу, а потом остановил на Айлин взгляд золотисто-карих, цвета темного янтаря, глаз. – Позвольте представиться, я Саймон Эддерли, староста вашего факультета.

– Айлин Ревенгар, к вашим услугам, милорд.

Неторопливо – как учила матушка – встав, Айлин сделала реверанс, а юноша – вот Эддерли – это более чем достойное знакомство! – изящно поклонился, но тут же ее поправил:

– Адепт Эддерли, с вашего позволения. Или просто Саймон. В стенах Академии «лорд» и «леди» обращаются только к главам гильдий и магам, не имеющим статуса преподавателя. К преподавателям положено обращаться «мэтр» или «мэтресса». А мы, адепты, все братья и сестры, поэтому обращаемся друг к другу на ты.

– Простите... то есть, прости, я не знала, – смутилась Айлин, вспомнив, что лорд... то есть мэтр Бастельеро уже говорил ей подобное, но не уточнил всех правил.

– Ничего страшного! – успокоил ее Эддерли теплым тоном и положил на тумбочку Айлин исписанный лист бумаги. – Вот твоё расписание до конца этой недели. Часть занятий ты будешь посещать вместе с нами, а часть – с Красными. Ты действительно двойная звезда?

– Ну... так говорят... – еще сильнее смутилась Айлин.

От столика донесся отчетливый звук, как будто кто-то поперхнулся.

– И тебя распределили к нам? – еще оживленнее спросил Эддерли. – Отлично! Давно пора было утереть нос Красным! А правда, что на испытаниях ты разбила стакан о голову магистра Роверстана?

Захлебывающиеся звуки стали еще отчетливее, и перед Айлин словно пропасть разверзлась. Она вспомнила высокого черноволосого смуглого мужчину в белой мантии, такого великолепного ровно до того мгновения, как рядом с ним разлетелся стакан. И как магистр в своей белоснежной мантии выглядел потом. Ой...

– Нет! – в ужасе замотала она головой. – Совсем не об голову! То есть... ну... стакан взорвался, но я не хотела! А там был сок... вишневый...

– Не хотела бы – не взорвала! – слишком злорадно для сожаления сообщил Эддерли. – А правда, что ты ударила по Совету молниями, и магистру Кристофу пришлось ставить щит?

Айлин обреченно кивнула.

– И магистр Волански что-то предсказал?!

Айлин вспомнила многозначительное: «Будет весело», – и задумалась, можно ли считать это предсказанием? Кажется, если кому-то на Совете и было весело, так только самому магистру Волански. Хотя он ведь и не уточнял – кому!

Она еще сильнее выпрямилась, жалея, что не может стать невидимкой, и Эддерли все понял по ее лицу, потому что расплылся в хищной радостной улыбке.

– Ладно, Ревенгар, мы с тобой после поговорим! Завтра не опаздывай, преподаватели этого не любят. Твой куратор – сам лорд Бастельеро, с ума сойти! Избранный Претемной Госпожи, мэтр-командор главнокомандующий! Девять из десяти наших адептов с тобой бы поменялись! Хотя знаешь... – Он явно задумался и добавил: – Пожалуй, не девять из десяти, а всего

пять. Остальные бы испугались! Ну, мне пора. Добр-рого вечер-ра, милые девы, – огромным котом мурлыкнул он в сторону старших адептов и исчез за дверью, только взметнулись длинные полы щегольской мантии с разрезами.

Айлин сначала почувствовала, а потом и увидела устремленные на нее взгляды. В комнате воцарилась мертвая тишина.

– Иоланда, милочка, нам, пожалуй, тоже пора! Ты же знаешь, у нас завтра первое занятие – общая лекция с разумниками. У... него! – выдохнула одна из девиц и снова так глянула на Айлин, словно та совершила какое-то страшное святотатство. Например, устроила публичное поклонение Барготу в главном столичном храме Семи Благих. Ну... или облила вишневым соком чью-то белую мантию. Это они еще лицо магистра не видели, спасибо Претемнейшей!

– Я, пожалуй, тоже схожу... в библиотеку, – выдавила соседка... то есть Иоланда и торопливо принялась убирать со стола.

На Айлин никто из троицы очень старательно больше не смотрел, и она почувствовала себя непривычно и отчего-то гадко. От девиц просто веяло страхом и брезгливостью, будто она, Айлин Ревенгар, какая-то ядовитая гадина, только и ждущая возможности укусить! Интересно, а можно ли попросить переселить ее в другую комнату, подальше от Иоланды и ее подружек?

И тут ей пришла в голову по-настоящему жуткая мысль: а вдруг теперь на нее так будут смотреть все? Она вспомнила глаза матушки, когда Артур кричал на Айлин в гостиной. Глаза, в которых стыли зеленым льдом ужас и брезгливое отвращение, будто вместо дочери леди Ревенгар увидела гадюку или крысу... Тогда Айлин убедила себя, что ей показалось, не могла матушка так на нее смотреть! Конечно, она все равно любит свою дочь, пусть даже такую неудачную. Но... В глазах невоспитанных девиц Айлин видела слабое подобие того взгляда, и когда за Иоландой и ее подружками закрылась дверь, оказалось, что одиночество – это не так уж плохо. Оставшись одной, можно забраться на кровать с ногами, обнять колени, уткнувшись в них лицом, и долго-долго говорить себе, что все будет хорошо. Так долго, что почти получится поверить в это.

* * *

Грегор вернулся к вечеру, причем такой злой и хмурый, будто Фрагана снова перешла границу. Старой, еще юношеской, привилегией являться без доклада он не пользовался, предпочитая нарушать дух этикета, а не его букву. Вот и сейчас, дождавшись, пока проводивший его камердинер выйдет, замер у двери, скрестив руки на груди и являя собой воплощенную мрачность. Черный с серебром камзол, гербовых цветов Бастельеро, но выглядящий трауром, волнистые волосы, собранные на затылке в простой короткий хвост, жесткие складки у красивого рта, испорченного вечно сжатыми губами... Из драгоценностей только дворянская цепь и два перстня, магический и родовой, по сравнению с пышно разряженными придворными – вызывающе мало! Малкольм любопытно поднял брови: интересно, что сегодня нашло на старого друга? Не то чтобы он рассчитывал, что посещение Академии поднимет Грегору настроение, но и подобного эффекта никак не ожидал.

Неужели так подействовало предложение заняться, наконец, продолжением рода? Малкольм даже почувствовал что-то вроде угрызений совести. Конечно, так открыто давить на Грегора не стоило: все Бастельеро отличаются невероятным упрямством и сопротивляются до последнего, но...

Малкольма словно кошка царапнула за сердце когтистой лапой – вспомнилось то, что Грегор в их прошлую встречу сказал про пятнадцать лет. Нехорошо вышло. Пусть он ни в чем перед этим упрямым не виноват, но у него самого старший сын уже всерьез заглядывается на девчонок, а младший его догоняет. И младшие принцессы недавно заговорили... А Грегор до сих пор один, однолюб клятый!

«Я же волнуюсь за тебя, болван, – с привычной грустной нежностью подумал он. – Положим, род на тебе не прервется. Твой отец, несмотря на возраст, еще вполне мог бы обзавестись ребенком, а то и двумя. И кузены у тебя имеются. Да и тридцать пять лет – это совсем не возраст для мага старой крови. Одаренные богами и в пятьдесят могут зачать здоровых детей, а потом еще успеют увидеть взрослых внуков, но сколько же можно страдать по несбыточному?»

Пауза затягивалась. Грегор сдался первым: видимо, ему было что сказать.

– По приказанию вашего величества, – скрежетнул он, – я остаюсь в столице.

«Неожиданно, – признал Малкольм. – Зная тебя, дорогой друг, я бы скорее предположил, что ты сбежишь на границу сегодня же ночью. Что же такого случилось в Академии? Отвратительно, сколько важного и интересного минует короля только потому, что происходит за высокими стенами Ордена! Но не женишься же ты, в самом деле?»

– Пока не женюсь, – так же размеренно сообщил Грегор, словно подслушав его мысли. – Дела передам Райнгартену завтра же, ему давно пора на повышение. Разумеется, если нет возражений! – изволил он вспомнить, что главнокомандующего, вообще-то, назначает король.

– Прекрасная мысль, – согласился Малкольм. – Да садись ты, вздумал церемониться! Вина или приказать подать ужин? Ну и что заставило тебя остаться?

– Благодарю, не голоден. Мне навязали кураторство, – процедил Грегор, послушно присаживаясь в кресло напротив и движением головы отказываясь от стоящего на столе кубка, за которым потянулся Малкольм. – Факультативный курс по боевой некромантии! Дюжина бестолковых адептов, и это не считая смеси сумасшедшего дома и борделя среди моих драгоценных коллег! Только представь: грядущие выборы нового зеленого магистра, крысы в Архивах, а в Совете – истеричная алхимичка и разумник-простолюдин, и все, даже Архимаг, делают вид, что дела идут как надо. Р-распустились! Малкольм, им не преподаватели нужны, а хорошие сержанты, не меньше дюжины.

– Хорошо, – согласился Малкольм, изо всех сил стараясь не рассмеяться – ну кто бы сомневался, что Бастельеро и в стенах Академии останется верен себе и армейскому уставу. – Я поговорю с Архимагом. Дела Ордена меня, конечно, не касаются, но наверняка сейчас попросится в отставку немало офицеров с магическим даром. Нужны же в вашу Академию берейторы, преподаватели фехтования и прочего этакого? Чем платить им пенсию, предложу жалованье в дополнение к тому, что даст Орден. Что-то еще?

Угадал. Грегор нахмурился еще сильнее, глубоко вздохнул и постучал по столу пальцами, отбив начальные такты марша.

– Нужно ограничить использование порталов. Поставить на учет все, включая частные, контролировать каждую активацию и использовать порталы только в крайнем случае, самом крайнем, когда речь идет о спасении жизни или прямых интересах государства, ты понимаешь меня?

– Нет, – честно сказал Малкольм, имея в виду не предельно ясное требование старого друга, а странность и откровенную невозможность этого требования. – Во-первых, как ты себе это представляешь? Хорошо, описать все порталы труда не составит... Я хочу сказать, что в принципе это возможно. И давно уже следовало сделать, здесь ты прав. Но контроль активаций? И я уже не говорю о том, что любой достаточно сильный маг может поставить себе личный портал, верно?

– С магами я сам разберусь, – угрюмо пообещал Грегор. – Но стационарными порталами придется заняться тебе. Отдай приказ, и пусть выполняют, ты король, в конце концов.

– Да что тебе в голову взбрело? – взмолился Малкольм, уже понимая, что дело наверняка окажется серьезным, но старательно надеясь, что так на Грегоре сказываются всего лишь последствия ранения.

Бастельеро, очевидно, только этого вопроса и ждал. Он снял с пояса аккуратную серебряную трубу, открыл ее и разложил на столе бумаги, исчерканные малопонятными символами и

странными загогулинами. Единственным, что Малкольму удалось опознать, была руна «Север» наверху одного листа.

– Это – карта боевых действий, – сообщил Грегор с такой глубокой убежденностью, что Малкольм постыдился задавать вопросы и лишь молча пожалел армейских картографов, которым пришлось иметь дело с мэтром-командором Бастельеро. – Магия, Малкольм, изменяет структуру мира. Особенно боевая магия, которая требует большого количества силы одноментно. Мир, к счастью, способен восстановиться сам по себе, если дать ему для этого время. Но здесь... – Грегор указал куда-то в центр листа, и Малкольм только по россыпи синих пятен опознал Озерный край на фраганской границе. – Здесь мы использовали такое количество боевых и стихийных заклинаний, что ткань мироздания истончилась, как ветхая рубашка. Магические искажения расходятся от этого очага, словно круги по воде – от брошенного камня. Порталы же создают в материи, из которой состоит мир, столь сильные возмущения, что если не ограничить их использование хотя бы лет на десять, то через те же десять лет мы получим полноценный Прорыв!

«И только-то?!» – чуть не спросил Малкольм, но все-таки удержался, слишком уж озабоченным выглядел Грегор.

Хотя с чего бы? Про Прорывы слышали все, даже полные профаны в магии, вроде него. Ну да, время от времени по неизвестной причине открывается особенный портал, из которого выбирается несколько демонов – злобных тварей, не принадлежащих этому миру. Но обычно с ними справляются маги-боевики и некроманты, потом стихийники запечатывают портал, и на этом все заканчивается. Последний прорыв случился лет сорок назад, и хотя Малкольм не сомневался в интуиции своего главнокомандующего, но лишать страну одного из важнейших путей сообщения он все-таки готов не был.

– Послушай, мы же не впервые ведем войну, используя боевиков. И порталы в Дорвенанте не закрывали еще ни разу, – возразил он. – Возможно, ты излишне сгущаешь краски? И есть шанс, что все обойдется?

– Попробуй сесть на раскаленную сковороду, – ядовито-любезно предложил Бастельеро. – И посидеть на ней пару часов. Возможно, у тебя будет шанс не обжечься?

Малкольм вздохнул. Аллегии у Грегора получались неизменно яркими и убедительными.

И все-таки – закрыть порталы, которые связывают весь Дорвенант и внутри, и даже с другими государствами! Ох, сколько же будет сложностей... Легко говорить Бастельеро, что королю стоит лишь приказать! Может, в армии это и работает, но не в обычной жизни. Надо сегодня же отдать Грегоровы бумаги канцлеру, пусть покажет их коронным магам. Хвала Благим, что на Ангуса Аранвена можно положиться в чем угодно, истинное сокровище, а не канцлер. Зануда, конечно, но тут уж ничего не поделаешь, такая у него должность... Определенно, если кто-то и сумеет в этом деле разобраться, то лишь Аранвен! А разобравшись, посоветует, как подойти к делу, чтоб не взбунтовались ни торговые гильдии, от которых за использование порталов течет в казну немалый ручеек золота, ни дворяне, которым вечно кажется, что их исконные права и вольности ущемляются. Всех бы их к Барготу, дурных крикунов...

– Ладно, – неохотно пообещал он. – Я подумаю, что тут можно... Орденом, полагаю, займешься ты? Благодарю Семерых, что после победы над Фраганой нам с тобой могут простить многое. Хоть и не все. Кстати, через месяц, к Зимнему Солнцестоянию, мы с Беатрис даем королевский бал в твою честь. И не кривись, твое присутствие обязательно настолько, что даже не обсуждается.

Он с мстительным удовлетворением полюбовался, как Грегор в самом деле морщится, будто хлебнув укуса вместо вина, и слегка сжалился:

– Ну что ты, в самом-то деле? Никто тебя не отдаст на растерзание созревшим девам и их почтенным матушкам. Разве что самую малость. Грегор, ты десять лет не был при дворе и вер-

нулся героем. Криспин мечтает с тобой познакомиться, мальчишка бредит войнами и великим мэтром-командором, прогнавшим фраганцев... Сделай одолжение, утешь моего наследника, что совершил не все подвиги и на его долю тоже что-то осталось. Да и двору следует показаться, пусть хорошенько запомнят, кому Дорвенант обязан победой и на ком держится мой трон. А потом можешь снова закопаться в свои склепы и бумаги – слова не скажу.

Глава 5. Новый мэтр академии

Ночь прошла соответственно дню, то есть отвратительно.

Грегор долго не мог уснуть, удивляясь: в армейской палатке, укрывшись старым прожженным одеялом, засыпал и в грозу, и в метель, и под стоны раненых из устроенного рядом лазарета. А дома, в роскошной спальне родового особняка, на белейших накрахмаленных простынях, о которых столько мечтал десять лет, он ворочался, напоминал себе, что завтрашний день будет еще тяжелее и надо бы отдохнуть, и даже с отчаяния использовал совершенно детский способ: попытался сосчитать умертвий, прыгающих через кладбищенскую оградку.

Не помогло.

Двухсотое умертвие вместо прыжка улеглось рядом с могилой и подлю притворилось упокоенным.

«Барготова задница!» – выругался Грегор, встал, запалил свечу и пошел в кабинет. Если не спится, надо поработать. Тратить время впустую – дарить его врагу, это скажет любой толковый солдат!

А заметки об аномалиях все равно требуется привести в порядок, Малкольм на них вчера посматривал как-то странно. Будто непонятно, что у Грегора не было времени на каллиграфию! Карты, расчеты... Он занялся ими в последние пару месяцев, когда уже стало ясно, что изгнание фраганцев – дело считанных недель. Три года! Всего три года полной власти над армией понадобились, чтобы отбросить месьоров туда, откуда они пришли, и только до скрежета зубовного было жаль семи лет, потраченных на то, чтобы взять командорский жезл.

Ну и где теперь эти крикуны, вопящие, что не дело отдавать армию под начало мага? Что его идеи о взаимодействии боевиков с некромантами и стихийниками рискованны до безумия, а сам он – юнец, получивший чин главнокомандующего только благодаря дружбе с королем? Теперь-то они восхваляют мудрость и талант мэтра-командора Бастельеро, а он сам никогда не сможет забыть, сколькими жизнями оплачены эти проклятые семь лет, когда армией командовал его светлость Корсон. Военачальник старой школы, мать его... Барготу в невесты. Упрямый баран, неизменно отвергавший все предложения Грегора лишь потому, что «вы слишком молоды и неопытны, дорогой мой мальчик...»

Грегор в раздражении смял подвернувшийся под руку исчерканный лист, глубоко вздохнул и все-таки заставил себя взять перо. Он пережил Корсона и оказался прав! Он победил, а теперь нужно выдержать еще одну войну с теми, кто не видит опасности порталных аномалий. Иначе десятилетнее фраганское нашествие покажется Дорвенанту пустычными неурядицами!

Примерно в три часа пополуночи заметки были переписаны, а Грегор понял, что теперь, пожалуй, сможет уснуть и без всяких умертвий.

Глаза закрылись сами собой, стоило только улечься в постель, но тут же кто-то требовательно загрохотал по парадной двери особняка...

«Убью, – подумал Грегор, сам не зная, кого имеет в виду, нерадивых слуг, которые не торопятся открывать и вообще позволяют будить их лорда, или неурочных гостей? – Нет, кто вообще является с визитами в такое время?! Подниму и еще раз убью!»

Все же убить стоило слуг, потому что открывать никто из них так и не пошел. Грегор снова поднялся и, ругаясь уже во весь голос, спустился на первый этаж, дошел до двери, распахнул ее...

Дыхание перехватило, он замер, не в силах поднять руку, чтобы прикрыть глаза, словно в них ударило солнце. Растерянный, беспомощный, оглохший и ослепший ко всему, кроме нее, той, что стояла за порогом. Женщина? Волосы? Глаза? Лицо? Все это были только слова, беспомощно пытающиеся назвать то, что человеческим языком не выразить. Она могла бы выглядеть иначе – или не выглядеть никак. Явиться студеным порывом ветра, обжигающим и ледя-

нящим насквозь. Мучительным тоскливым предчувствием, трогающим сердце за несколько мгновений до пропущенного удара. Сладким забвением, о милосердии которого молят многие, но немногие удостаиваются.

Но она оказала ему милость – и пришла в обычном человеческом облике. Темные волосы, убранные в высокую, слегка старомодную прическу. Бледное лицо с тонкими чертами, как у скорбящих мраморных дев на надгробьях. Глаза, полуприкрытые неожиданно тяжелыми веками, и оттого не блестящие, а похожие на черный бархат. Строгое платье из ткани цвета ночного неба, тяжелой и переливающейся мягкими отблесками, наглухо закрытое – только белеет лицо над высоким воротником, и в тон ему – кисти рук с длинными, тонкими, белоснежными пальцами без колец. Да еще выглядывают из-под краешка подола носки черных атласных туфель.

Грегор узнал ее сразу, хотя никогда не видел во плоти и лицом к лицу: Претемная является своим Избранным в зеркалах. И очень редко – в виде человека...

Высокая тонкая бровь даже не изогнулась в недоумении – приподнялась едва уловимо, и Грегор поспешно преклонил колено. Опустил глаза почтительно и благоговейно, но не удержался, вдохнул горьковатый аромат каких-то осенних цветов, палой листвы, влажной земли... Голова закружилась, словно он летел куда-то вниз, а по спине пробежал мороз, и тоскливо заняло сердце. Никто никогда не говорил ему этого, но откуда-то Грегор точно знал: так будет пахнуть на кладбище, когда мраморная памятная доска в фамильном склепе Бастельеро пополнится еще одним вылитым в бронзе именем – его собственным.

– Не скоро... – то ли шепнул ему на ухо тихий женский голос, то ли донеслось дуновением ветра, как мгновением ранее на Грегора повеял запах его последнего покоя.

«На все воля Ваша», – подумал он, не размыкая губ, и только тогда осознал, что – вот болван! – не удосужился одеться. Занят был, видите ли, на слуг злился... Собирался погнать неизвестного невежу к демонам! А теперь приходится стоять перед Госпожой в одной рубашке и длинных панталонах. Да еще и босиком. Позор какой! Просто немыслимый, невозможный, непереживаемый...

Претемнейшая тихонько рассмеялась – от ее смеха кровь в жилах Грегора застыла острыми осколками льда и тут же снова растаяла. А потом Госпожа протянула к нему, беспомощно замершему, руку и погладила по растрепанным со сна волосам.

– Ты радовал меня все эти годы, мальчик, – сказала она обычным женским голосом, теплым и мелодичным. – И я принесла тебе подарок. Заботься о нем хорошо!

Сглотнув ком в горле, Грегор облилиз пересохшие губы, открыл рот, еще не зная, что сказать, но говорить не пришлось.

Та, кому он присягал в жизни и смерти, исчезла, растворилась в воздухе, оставив тонкий, горьковатый и уже совсем не страшный запах осенних цветов, а на том месте, где она стояла, появилась коробка. Большая, доходящая Грегору почти до плеча коробка, обтянутая темным шелком и перевязанная пышным фиолетовым бантом. Бантом!

Грегор потряс головой: явление Претемнейшей, подарок, бант – все это совершенно не умещалось в сознании! – и осторожно тронул коробку кончиками пальцев. Потом попытался качнуть...

– Ой! – сказала та знакомым детским голосом.

«Что за бред здесь творится?» – отчаянно подумал Грегор и проснулся от деликатного стука.

Пока он открывал глаза, пытаясь понять, где находится, стук повторился.

– Милорд! Вы просили разбудить вас на час раньше обычного, – воззвал за дверью спальни камердинер. – Ваша мантия доставлена и готова к примерке.

«Мантия! Барготова мать...»

Вскочив, Грегор растер виски пальцами и встряхнул головой, выбрасывая из мыслей, а заодно и из памяти все, что привиделось ему в насмешливом кошмаре. Ну нельзя же всерьез подумать, что сама Претемнейшая явилась, чтобы принести ему подарок, словно любящая родственница! И еще этот голос из коробки... Такой знакомый... Нет, все это был сон – и не более! И где там камердинер с тазом для умывания, бритвой и свежим бельем?!

Через полчаса зеркало с издевательской ясностью отразило то, что Грегор и без него давно подозревал: для карьеры преподавателя он не создан никоим образом, начиная с приличествующей мэтру Академии одежды. Мантия, пошитая лучшим столичным портным, сидела... странно. Не то чтобы криво, но совсем не так, как на магистре Эддерли. Или на любом другом преподавателе.

«Ничего, привыкну, – упрямо подумал Грегор. – В конце концов, это как мундир. Надо – значит надо!»

И сделал шаг.

И второй – к шкафу. На третьем шаге остановился, содрал барготову мантию и швырнул на кресло.

«Не надену! – подумал он злобно. – Перетерпят меня и без мантии! Пойду в мундире, по крайней мере, он не путается в ногах!»

И посмотрел на родной повседневный мундир армейского некроманта, черный, с густо-фиолетовыми поясом, обшлагами и петлицами, почти с нежностью. Это вам не непонятная тряпка, больше похожая на ночную рубашку престарелой тетушки! Да и верхом в этой их мантии не поедешь – не дамское же седло заказывать под эту... юбку!

А ревнителю традиций пусть хоть удавятся!

До Академии Грегор добрался без приключений.

А вот попасть в нее оказалось решительно невозможно! Прямо перед воротами стояла повозка, груженная одним-единственным ящиком, и как раз сейчас какой-то мужик, похоже, возчик, пытался спихнуть его с повозки.

Ящик выглядел огромным, не меньше половины телеги. Крепко сколоченные доски – а Грегор часто видел работу армейских плотников и знал в ней толк – были сверху дополнительно укреплены массивными брусьями.

Кроме возчика, вокруг ящика суеилось еще двое здоровяков, то ли конюхи, то ли еще какая прислуга. К грузу они относились с явной настороженностью, даже с почтением. И не зря. Внутри ящика что-то глухо хрипело и тяжело билось о стенки.

«Однако! – заинтересовался Грегор. – Умертвие привезли, что ли? Или вурдалака?»

Прислуга Академии почему-то к воротам не спешила, и Грегор тоже прошел бы мимо, если бы его не окликнули с истовой надеждой в голосе:

– Дозвольте обратиться, ваша милость!

«Бывший солдат», – рассеянно отметил про себя Грегор и обернулся.

Четверка взирала на него как на спасителя. С благоговением.

– Обращайтесь, – разрешил Грегор, и возчик, вытянувшись во фрунт, поспешно заговорил:

– Извольте видеть, мы тут посылку доставили! Для ихней юной светлости от лорда Ревенгара, значится. А как ее позвать – не знаем. И тутошней прислуги что-то нету.

«Р-распустились!» – уже привычно подумал Грегор, а потом вскинул бровь и глянул на ящик внимательнее, а заодно и на возчиков. Действительно, здоровяки одеты в серое с красной оторочкой, наверное, Дориан взял на службу кого-то из своих бывших солдат.

– Для адепки Ревенгар?

Хм, интересно, какова вероятность, что в Академии учится еще одна девушка из этого же рода? Пожалуй, стремится к нулю. Ну и что ей могли привезти? Пони? А хрипит, потому

что простудился по дороге? И возчики по этой же причине держатся подальше – боятся, что их обчихают!

– Неизвестных животных в пределы Академии ввозить запрещено, – сообщил Грегор, подходя ближе.

Сам он такого правила не помнил, но если его и не существовало, то стоило ввести!

И добавил вслух:

– Открывайте!

– Дык... может, не надо, ваша ми... светлость! – безошибочно повысил его в титуле возчик. – Оно ж того... кроме хозяйки, никого признавать не хочет! А мы вот вам досочку оторвем, если посмотреть желаете!

Сбитая парой ударов верхняя боковая доска отлетела, и в сторону Грегора немедленно высунулась огромная лапа. Костяная. То есть натурального звериного скелета! Изжелта-серые когти венчали пястную кость, размерами вполне сравнимую с ладонью самого Грегора, а то и побольше.

«Это собака? Или медведь?!»

В подтверждение его мыслей в ящике снова бухнуло, и доски подозрительно затрещали. Лапа спряталась, зато в темном проеме мелькнул кусок черепа, и горящий красный глаз уставился на Грегора. Глаз глядел плотоядно и с искренней надеждой, что или человек подойдет поближе, или ящик удастся доломать и выбраться на свободу. А уж оно, которое внутри, найдет, как этой свободой распорядиться!

– Гм... – сказал Грегор. – Пожалуй, дальше не открывайте. Хозяйку, говорите, слушается?

Анимированный скелет, значит?! Когда Бреннан вскользь об этом упомянул, Грегор почему-то решил, что пробуждение фиолетовой силы у юной леди закончилось, как почти всегда бывает в таких случаях. Нечаянно поднятые останки волкодава просто обязаны были вскоре упокоиться сами собой, как только изначально влитая в них энергия иссякла. Какого Баргота эта зверюга так активна? И какого Баргота и всех его демонов Дориан не вызвал кого-то из работающих в городе некромантов, чтобы зачистить результаты опытов своей дочери?!

С другой стороны... Он еще раз посмотрел на опасно качающийся ящик и признал, что рядовой маг с таким, пожалуй, может и не справиться. Но в Академию-то зачем слать эту гадость?! Дориан что, всерьез считает, что девочка оставит вот... это... себе?

Дармоеды из прислуги Академии наконец-то появились, и он тут же послал одного за адепткой Ревенгар, а второго – за комендантом, чтобы объяснил, почему на воротах нет дежурного, а заодно освежил для Грегора устав Академии в той части, что касается содержания домашних питомцев. Вроде бы всякая мелочь, вроде котов, ручных крыс и птичек в клетке, во время его учебы правилами допускалась... Но что-то подсказывало Грегору, что с собакой таких размеров будут... сложности. И не только потому, что собака, в сущности, дохлая.

Милая зверушка тем временем увлеченно выламывала доски, периодически выглядывая из ящика и осматривая площадку – не разбежались ли люди. Наверное, беспокоилась, что останется без обеда. Умертвия, правда, не едят, но по старой памяти пытаются, предварительно загрызая жертву или разрывая ее в клочья. Отличные клыки, между прочим! Белые, блестящие, совсем не потемневшие от времени! Тварь щелкала ими с опасным воодушевлением и почти преуспела с третьей доской, когда у ворот показалась запыхавшаяся и растрепанная адептка Ревенгар. Переодеться в мантию она еще не успела, поэтому бежала, придерживая подол длинного зеленого платья, толстые рыжие косы, опять разлетевшись, били девчонку по спине, а щеки порозовели.

Умертвие, почуяв хозяйку, захрипело особенно надсадно и громко, а возчики побелели, глядя, как боковая стенка ящика разлетается на куски. Один из обломков долетел до Грегора и

упал возле его ног, потому что Грегор отработанным движением вскинул щит. Успел подумать, что надо прикрыть адептку, – на всякий случай...

– Пушок! – крикнула безумная девчонка и широко распахнула руки.

Огромный собачий скелет одним длинным прыжком метнулся с повозки в ее объятия. Не удержавшись на ногах, девчонка села прямо на дорожку, восторженно визжа и делая вид, что отбивается, а бывший невийский волкодав – чем еще это чудовище могло быть при жизни?! – барахтался в ее руках, бестолково махал лапами и пытался облизать ее с ног до головы отсутствующим языком, но вместо этого только громко стучал челюстями.

Совершенно безумная картина!

«Пушок, значит, – невольно отступая на шаг, подумал Грегор. – Интересная логика. Если там есть хоть одна шерстинка, то я – иллюзорник! Почему Пушок-то?!»

Возчики, резонно решив, что дальнейшее их не касается, торопливо разворачивали повозку, пытаясь успокоить хрипящую от ужаса лошадь. Трое старшекурсников-целителей, возвращающихся из города, глянули на происходящее и обогнули сцену по широкой дуге, шмыгнув в дверь рядом с воротами. Над липами вдоль дороги истошно надрывались птицы, и Грегор вдруг вспомнил слова Волански на Совете, чуть ли не впервые допустив, что иллюзорники могут делать и настоящие предсказания. Только вот понимание веселого у них сильно отличается от общепринятого!

– Адептка Ревенгар! – окликнул он, намереваясь сообщить, что умертвие в Академии уместно лишь в качестве наглядного пособия, но никак не в общезнании!

И наткнулся на сияющий от счастья взгляд.

– Лорд Бастельеро... то есть, простите, мэтр! Мне же можно оставить Пушка, правда? Он совсем тихий и смиренный, честное слово!

«Претемная... – как-то даже беспомощно подумал Грегор, глядя то на девчонку, то на разломанный ее тихим и смиренным питомцем ящик. – Девочке придется провести здесь двенадцать лет! Вдали от родителей и брата, какими бы они ни были, от всего, что она знает и любит. Она же просто хочет собаку... И видят Семеро, даже от умертвия куда меньше вреда, чем от крыс в Архивах! А каков потенциал, если она не просто анимировала эту псину, но и привязала ее к себе? Конечно, вряд ли кто-то здесь отнесется благосклонно к ожившему скелету... Но это, скажем прямо, их личные сложности».

– Можно, – сухо сказал он вслух. – Только учтите, что за его поведение отвечаете вы. Если ваше умертвие причинит вред кому-то из адептов или преподавателей, спрошу я с вас. Вы меня поняли, Ревенгар?

Совершенно счастливая леди с не менее счастливым умертвием, если про умертвие в принципе можно так сказать, уже двинулись к воротам Академии, и тут на сцене появилось новое действующее лицо – глава Фиолетового факультета собственной персоной. Грегор вздохнул. Ну конечно, возмущение темных энергий при появлении «Пушка» сразу долетело до утонченного чутья опытного магистра. «Нехорошо получилось, – с некоторым смущением подумал Грегор. – Слишком привык, что имею право любое дело решить по собственному усмотрению, потому что король – далеко, а никого другого, смеющего мне указывать, нет. Но если Эддерли отменит разрешение, которое я уже дал...»

Приветливо кивнув Грегору, Эддерли с интересом, подозрительно напоминающим восторг, воззрился на дивную парочку. Адептка Ревенгар немедленно вспомнила о манерах, потупила глазки и сделала реверанс. Умертвие же, проявив незаурядный для подобного существа разум, попыталось спрятаться за хозяйку и сделаться как можно незаметнее. С тем же успехом матерый кабан мог попытаться укрыться за березкой, но попытку Грегор оценил. И магистр некромантов – тоже.

– Хм... – сказал Эддерли. – Однако! Не изволите ли объяснить, мой дорогой Грегор, что здесь происходит? По возможности я хотел бы получить сразу две версии. Одну – настоящую, а вторую – чтобы успокоить глубокоуважаемый Совет.

Глаза Айлин, сообразившей, что у нее все-таки могут отобрать игрушку, снова стремительно наполнились слезами. Впрочем, девчонка благоразумно промолчала, только переводила с Грегора на Эддерли и обратно умоляющий взгляд.

– Если позволите, магистр, я ограничусь одной версией, – с каменным лицом сказал Грегор. – Всеобъемлющей. Адептка Ревенгар проводит эксперимент. Как видите, созданное ею умертвие обладает рядом уникальных качеств.

– Вы имеете в виду, – понимающе подхватил Эддерли, – что оно еще никого не загрызло, и есть надежда, что не сделает этого впредь?

Девчонка открыла рот, наверное, хотела пуститься в уверения, что «Пушок» – милейшее и безобидное создание, но Грегор посмотрел на нее предостерегающе, а затем снова обратился к иронично улыбающемуся Эддерли.

– Судя по тому, что я видел, – сообщил он тем же убедительным тоном, каким обычно докладывал Малкольму, почему месьюры оказались там, где их никто не ожидал, – данный объект действительно не агрессивен. Он признает хозяйку, не бросается на окружающих и в целом ведет себя как...

– Обычная собака? – подсказал Эддерли.

Грегор с некоторым облегчением кивнул.

– Скажите, юная леди, – обратился магистр к Айлин. – А вы могли бы сотворить подобное с животным поменьше?

Грегор с отстраненным интересом задумался: хватит ли у девчонки ума понять, о чем ее спрашивают? Если сейчас она скажет, что может создать маленькое умертвие, Эддерли наверняка упокоит столь хлопотную тварь неудобных размеров. И, возможно, всем от этого будет только лучше... Если не думать, как он сам и его слово отныне станут выглядеть в глазах девочки.

– Нет, милорд магистр, – замотала головой девчонка и смущенно добавила: – Я не знаю, как он получился таким. Я... нечаянно его сделала. Но он действительно меня слушается и никого не обижает. За кошками только гоняется.

– Ну что ж, – сожалеюще заметил Эддерли. – Тогда, полагаю, мы должны дать вам возможность понаблюдать за этим... экземпляром. Мэтр Бастельеро, под вашу ответственность! «Кто бы сомневался! – подумал Грегор. – Но слава Претемной, что обошлось».

– Совету я скажу, – задумчиво продолжил Эддерли – что имеет место эксперимент по взаимодействию некросозданий и живых существ в естественной среде. Нужно только предупредить магистра Кристофа, пусть проведет разъяснительную беседу с Красным факультетом, иначе взаимодействие окажется... хм... ярким, но коротким.

Умертвие, внимательно слушавшее магистра, – как будто могло что-то понять! – просунуло голову под руку девчонки, прижавшись к ней, словно настоящий живой пес. Выглядело это страшновато, однако странно умилительно. Мэтр Эддерли одарил их рассеянной улыбкой и снова посмотрел на Грегора.

– К слову, дорогой мэтр Бастельеро! Вам что, не успели пошить мантию?

– У меня практический курс, – начал Грегор, осторожно подбирая слова. – Как вы, должно быть, помните, работать на кладбище в мантии весьма... э... неудобно.

– Скажите прямо – вы в ней путаетесь! – фыркнул Эддерли.

– Нет! – возмутился Грегор. – Просто я слишком привык к мундиру. Я, в конце концов, все еще офицер Его величества!

Эддерли безнадежно махнул рукой.

– Что ж, полагаю, это я смогу объяснить нашим ревнителям традиций, – согласился он. – И будьте любезны перед занятиями зайти к моему секретарю за сегодняшним расписанием. А после занятий я вас жду для обсуждения учебных планов.

И мстительно улыбнулся.

* * *

Через пять минут общения с секретарем Грегор пожалел, что согласился на уговоры Архимага. Через четверть часа уверился, что стратегию сражения придумать было куда легче, чем разобраться во всех этих учебных планах, методиках преподавания и прочем, не иначе как изобретенном лично Барготом, бессмысленном бумагомарательстве.

Еще через полчаса задумался, не легче ли будет все-таки выбрать всего одну жену, а не дюжину адептов для факультатива!

«Чушь какая! – тут же одернул он себя. – Адепты – это, по крайней мере, временно! А бумаги... Баргот с ними, разберусь! Если уж это удастся Уинн...»

– Вот что, – прервал он секретаря, как раз начавшего вдохновенно вещать о необходимости и важности ежедневных планов занятий. Уже по второму кругу, между прочим, и без малейшей конкретики. – Покажите мне список адептов моего курса, образец плана занятия, коль скоро он так необходим, и, ради Претемной, помолчите хотя бы пять минут!

Список адептов Грегор Эддерли пытался вручить ему еще вчера, и Грегор его даже читал, но беспокойная ночь и столь же беспокойное утро начисто стерли из его памяти все двенадцать имен. За исключением разве что адептки Ревенгар. Грегор всерьез подозревал, что если он и попытается о ней забыть, безумная девчонка найдет, как о себе напомнить! Один только ее «Пушок» чего стоит!

Секретарь оскорбленно замолчал и положил перед ним два мелко исписанных листа с вежливостью, подчеркивающей глубину его обиды лучше любых слов. Даже жаль, что до обид секретаря Грегору было куда меньше дела, чем до списка поступивших в его распоряжение адептов!

Первым в перечне значился Саймон Эддерли, адепт пятого курса и староста факультета. Если верить записям, талантливый и старательный юноша полных шестнадцати лет, закончивший с отличием предыдущие четыре курса. Не верить оснований у Грегора не было: Эддерли – старый род с такой же старой магией, некромантия у них в крови. Кроме того, когда твой учитель поручает тебе собственного сына, это... пожалуй, льстит.

За юным Эддерли в списке шли адепт Донелли – третий курс, выраженная склонность к проклятиям, адепт Морстен – пятый курс, прекрасный резерв и личная рекомендация мэтра Денвера, адепт Аранвен – шестой... Аранвен? Сын канцлера Ангуса Аранвена или какая-то боковая ветвь? Этот вопрос он задал секретарю и получил сухое учтивое подтверждение, что адепт Дарра Аранвен в самом деле является наследником рода Аранвенов. Что ж, сразу двое юношей из Трех Дюжин – это прекрасно! Судя по характеристикам, Эддерли помог выбрать действительно лучших.

Одиннадцать имен в списке были мужскими. Двенадцатой значилась адептка Ревенгар, первый курс. Единственная девица. И самая младшая.

– ...Ревенгар? – раздался за дверью взбудораженный мальчишеский голос.

Грегор отодвинул список, прикрыл глаза и с силой потер невесть с чего заломившие виски. А ведь он еще не приступил к работе – но свою головную боль уже знает по имени совершенно точно! Что эта девчонка еще натворила?

И почему, интересно, адепты позволяют себе орать под дверью секретаря?

– Ну да, – подтвердил за дверью второй голос, чрезвычайно довольный и уверенный. – Во-о-от такенный скелет! Зубищи – во! Хочешь, спроси сам, она сейчас у целителей...

«Умертвие! Надо было его все-таки упокоить... – мелькнула бессвязная мысль, тут же сменившаяся кристально-ясной: – Узнаю, что с Ревенгар, и упокою!»

– Мэтр Бастельеро? – удивленно окликнул секретарь. – Куда вы? Мы ведь не обсудили планы занятий!

– Потом! – бросил Грегор.

До планов ли тут, когда прямо у него под носом умертвие напало на адептку! Да магистр Эддерли его самого упокоит! Убьет, поднимет и упокоит – и будет, пожалуй, прав!

Стоявшие под дверью юнцы, лет тринадцати-пятнадцати, не старше, шарахнулись в стороны, пропуская Грегора. Молодцы, правильно понимают, что не надо заслонять дорогу преподавателю, особенно, если он так явно куда-то спешит!

* * *

– Адептка Ревенгар, – выдохнул он, распахнув дверь мэтра Бреннана. – Жива?

Мэтр Бреннан, мирно сидевший за столом с чашкой пахнущего на всю комнату приправами шамьета, поперхнулся.

– Дорогой Грегор, – хрипло проговорил он, поспешно поставив чашку на стол и откашлявшись. – Что за странные идеи возникают у вас с утра пораньше? Доброе утро, к слову. Присаживайтесь. Не желаете ли шамьета?

– Доброе утро, мэтр, – машинально ответил Грегор, заметив вдруг, что пожилой целитель выглядит подозрительно безмятежным. – Мне сказали, что адептка Ревенгар у вас...

– И вы подумали, что она ввязалась в дуэль с тремя боевиками, – понимающе кивнул мэтр Бреннан, как-то сразу успокоившись. – Как вы в свое время. Или, тоже как вы, сорвалась с карниза при попытке забраться на крышу Академии? Ну-ну, не сверкайте глазами, я же не рассказываю о ваших юношеских подвигах нынешним адептам. Да и не я один их помню – это на случай, если вы вдруг решите, что мертвые не болтают, – он ехидно улыбнулся, и Грегор не смог не улыбнуться в ответ, а Бреннан продолжил уже серьезнее. – Нет, дорогой мой. Вы, вероятно, забыли, но вчера у магистра Морхальта случился удар, и юная леди сочла нужным навестить деда.

– Сочла нужным... что? – переспросил Грегор, чувствуя себя... прямо скажем, болваном.

Надо же было решить, что умертвие напало на хозяйку! Да скорее ненормальная девчонка нападет на бедное умертвие!

– Навестить деда, – повторил мэтр Бреннан спокойно. – Так, знаете ли, принято. Навещать заболевших родственников. Или коллег. Некоторые, не поверите, даже просто знакомых навещают или присылают справиться об их здоровье.

«Только лекций об этикете мне не хватало!»

– Понимаю, – процедил Грегор. – Что ж, простите за беспокойство. Кстати, как себя чувствует магистр Морхальт?

Мэтр Бреннан нахмурился.

– Трудно сказать... Кажется, удар отнял у магистра ноги. Подозреваю, что и память: он не узнает коллег, заговаривается... Магистр Роверстан утверждает, впрочем, что прогноз благоприятен.

– Магистр Роверстан? – переспросил Грегор, поднялся с кресла и подошел к окну. – Прошу прощения, я как-то упустил момент, когда он сменил цвет искры с белого на зеленый...

Мэтр Бреннан фыркнул, снова взяв чашку, и сообщил:

– Видите ли, дорогой мой Грегор, апоплексический удар, поражая мозг, непременно оказывает влияние на разум. А это, как вам известно, специализация Белого факультета. – И, посерьезнев, добавил: – Дункан – выдающийся маг, лучший разумник в своем поколении. Он очень нам помог! Притом, вы, наверное, не знаете, но они с магистром Морхальтом были довольно

близки, Дункан долгие годы изучал медицину под руководством магистра, часто бывал у него дома и прекрасно знает...

Грегор скривился и отвернулся к окну. Слушать шум лип на ветру и вопли птиц было куда приятнее, чем похвалы Роверстану, который, оказывается, просидел у постели бывшего наставника всю ночь. Ну и что? Значит, увидел в этом какую-то для себя пользу, потому что в искреннее почтение и благодарность между этими двумя не верилось. Глупость это – доверять разумнику! Вспомнилось наведенное дружелюбие в зале Совета, Грегор поморщился, обещая себе непременно найти хороший амулет от ментального воздействия...

...И едва не зашипел! Упомянутый магистр нагло торчал едва ли не у самого окна! И не один: совсем рядом, просто непозволительно близко, виновато смотрела в землю адептка Ревенгар, а Роверстан, старательно изображая то ли сочувствие, то ли снисходительность, поглаживал ее по плечу. Девчонка же кусала губы и явно не знала, как отделаться от мерзавца!

Глава 6. Наглядное пособие леди Ревенгар

До начала занятий оставалось целых два часа... или всего два? Ой, наверное, все-таки «всего два» – слишком много нужно было успеть.

Во-первых, устроить Пушка, который успокоился, перестал сверкать глазами – из красных они стали приятного синего цвета – и снова вел себя как приличная собака, пусть и не обычного собачьего вида. Ну и что? Зато он ласковый и умный! К тому же совсем не капризный и может жить под кроватью! «А гулять с ним я буду после ужина, когда адепты разойдутся по комнатам, так он точно никого не напугает!» – решила Айлин.

Во-вторых, следовало получить форму. Спасибо юному лорду, то есть, разумеется, адепту Эддерли, который прямо на листе с расписанием указал, где это можно сделать. Хорошо, что у некромантов такой замечательный староста – учтивый, заботливый... Айлин вспомнила смуглое лицо, светлые волосы, убранные в простой хвост, веселый и чуть насмешливый взгляд. Жаль, что адепт Эддерли никогда не бывал у них дома. Хотя... если бы и бывал, что ему было бы за дело до Айлин? Эддерли – совсем взрослый юноша, а она... Нет, ничего такого она не думает, разумеется, но если бы у нее появился такой славный друг или подруга! Наверное, было бы не так тоскливо вспоминать о доме.

Она вздохнула, погладила Пушка, скользя ладонью по колючему костяному хребту, пес извернулся, ткнулся мордой ей в руку и тихонько зашипел. Лаять Пушку было нечем, он и эти-то странные звуки умудрялся издавать неизвестно каким образом, но Айлин уже привыкла и не променяла бы Пушка ни на одну собаку, пусть и самую лучшую в мире.

Ну вот, а в-третьих, совершенно необходимо навестить милорда Морхальта! Честно говоря, это стоило сделать в первую очередь, но не идти же к целителям с Пушкой, вдруг его кто-нибудь напугает, и что он тогда может натворить? Айлин понятия не имела и очень не хотела это узнать!

Или сначала получить форму? Да, наверное, именно так... Получить форму, переодеться и заодно оставить Пушка в комнате... Отлично! Где там склад?

* * *

Склад оказался в подвале общежития. Подвалы Айлин не любила, хотя подвалы Ревенгаров, конечно, обследовала еще в детстве, и те, что располагались в столичном особняке, и те, что в поместье. Выглядели они совершенно одинаково и очень скучно: узкие коридоры, серые стены, сложенные из крупного камня, и такой же пол, тусклый желтый свет масляных ламп, скорее подчеркивающий темноту, чем отгоняющий ее, и тяжелый, какой-то промозглый воздух. И запах сырой пыли...

Подвал Академии оказался совершенно другим! Спустившись в него, Айлин восторженно завертела головой, рассматривая местные чудеса. Под высоким сводчатым потолком ярко горели белые и желтые стеклянные шары, наверняка магические! И воздух здесь был совсем не спертый, а очень даже свежим. Наверняка в стенах спрятаны эти... ну как их? Ах да, вентиляционные колодцы! И сами стены – аккуратно выбеленные, чистенькие, а на первой же развилке Айлин увидела закрепленные таблички-указатели! Стрелка влево – «прачечная». Вправо – «склад» и «швейная». Надо же, как здорово придумано!

Пушка указатели тоже заинтересовали, он подбежал к тому, что справа, принюхался, фыркнул и зачем-то задрал лапу на стену.

Ох... Зачем-то! Вот же невоспитанное существо!

– Пушок! Нельзя!

Пушок оглянулся и моргнул, тоже по-своему: спокойное синее свечение его глаз на секунду погасло и снова загорелось с явным недоумением, как показалось Айлин.

– Лапу можно задирать на улице, – сказала Айлин как можно строже, вспомнив, как говорил с собаками псарь в поместье. – В помещении – нельзя. Неприлично. Понятно?

Пушок обиженно опустил морду, поджал хвост и подошел к Айлин, всем видом выражая понимание и раскаяние. Действительно, сделать он ничего такого в силу своей природы не мог, но очень хотел – просто по старой памяти. Айлин потрепала его по шее.

– Хороший пес!

Пушок радостно вскрикнул и прихватил ее руку пастью.

– Потом поиграем, – пообещала Айлин. – Сначала дело. Нам направо!

Склад прятался за первой же дверью по коридору. Открыв ее, Айлин оказалась в небольшой комнате, снова очень светлой, хоть и без единого окна. Вдоль стен зачем-то стояли длинные скамьи, а в центре комнаты – массивный письменный стол, покрытый затейливой резьбой. На столе Айлин заметила толстенную книгу, очень похожую на ту, которую вел управляющий в их поместье. Но управляющий записывал доходы и расходы, а что записывают здесь?

Она перевела взгляд на сидящую за столом пожилую даму в коричневой мантии без всякой отделки и торопливо сделала реверанс. Опять выставила себя совершенно невоспитанной особой – засмотрелась по сторонам и забыла о манерах! А еще соседку упрекала...

– Доброе утро, миледи! Адептка Ревенгар, Фиолетовый факультет.

Строгое лицо дамы чуть смягчилось.

– Доброе утро, милая. Приятно видеть, что юная девица не забывает о манерах. Ваша форма здесь.

Дама, совершенно проигнорировав Пушка, открыла ящик стола и извлекла из него объемный сверток, перевязанный хитро скрученным фиолетово-красным шнуром.

– Две длинных мантии, – перечислила она ровным голосом. – Две пары обуви соответственно времени года, зимнюю получите позже вместе со всеми. Короткая туника и штаны для практических занятий. Нижние сорочки и панталоны – четыре штуки. Вещи сдаются в прачечную дважды в неделю. Новая форма выдается раз в полгода. Раньше – в случае крайней необходимости. Если потребуется подогнать что-то по росту, отправляйтесь к швеям, это следующая дверь по коридору. До встречи, адептка Ревенгар.

– Благодарю вас, – пролепетала Айлин, снова сделала реверанс, попятилась к двери и почти выпала в коридор, едва успев прихватить с собой Пушка.

Туника и штаны? Ей придется носить штаны?! Что скажет матушка, если узнает! А отец? А что подумают о ней соученики? Или здесь так принято? Айлин честно попыталась вспомнить, видела ли в коридоре хоть одну девочку в штанах, и не смогла. Практические занятия? Какие они могут быть у некромантов? Неужели придется ходить... на кладбище? Но даже в этом случае, чтобы леди – и штаны... ох, как же странно!

Пушок озадаченно посмотрел на нее и пихнул в сторону выхода. Умный пес. Правильно, о местных странностях можно подумать потом, а пока – переодеться и к целителям.

* * *

В комнате Иоланда укладывала волосы. На столике громоздились стеклянные флаконы и флакончики, глиняные баночки, две щетки, гребень, куча шпилек с разноцветными головками, ленты и даже искусственные цветы. Как и вчера пахло выпрямителем для волос, причем так сильно, что защипало в глазах.

Вот интересно, зачем ей столько всего? Ах да, ведь вчера кто-то говорил, что у них первая лекция с разумниками! Вот странно-то! Неужели магистру Роверстану нравятся пучки ярко-розовых шелковых цветочков, растущих над головами адептов, словно на клумбах? Хотя какая

разница, что нравится магистру? Он старый, как эти глупые девицы вообще могут о нем вздыхать?! Еще и борода... Ладно бы только усы, папенька их тоже носит, и это красиво, но борода сейчас совершенно не в моде! Тетушки рассказывали, что их величество бреет лицо начисто, и большинство дворян ему в этом подражает. Наверное, в Академии совсем другие порядки?

Сзади процокали по полу когти – Пушок осматривался.

Иоланда бросила на Айлин опасливый и снова брезгливый взгляд... и вдруг вскочила на кровать. Вытаращила глаза и пронзительно, во весь голос завизжала, тыкая пальцем в сторону Айлин.

«Чего это она?» – озадаченно подумала Айлин. Пушок сердито запыхтел – он не любил громких звуков.

– Это!!! – наконец удалось разобрать в потоке воплей. – Это чудовище!!! Убери отсюда немедленно, слышишь?!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.